

Надежда Андреевна Дурова

**Игра судьбы или
Противозаконная любовь**

Надежда Андреевна Дурова Игра судьбы или противозаконная любовь

Истинное происшествие, случившееся на родине автора.

Мне было пять лет, когда я увидела Елену в первый раз. Это было прекрасное годовое дитя. Мать моя часто бывала у госпожи Г*** и всегда брала меня с собою; мне должно было с важностию и скукою сидеть на одном месте, близ матери, пока хозяйка не возгласит громко: «Акулина! Леночка встала?» — «Встала, матушка!» — отдавался голос из другой отдаленной горницы!

При этом ответе мне делалось веселее. «Принеси ее сюда». И вот вносят на белой атласной подушке, пышно убранной дорогими блондами, прекраснейшее дитя, какое можно себе представить. Все в свете амуры должны были бы уступить ему! Никакое перо не могло бы в точности описать белизны, полноты, пленительности форм, нежности, восхищающих черт лица этого маленького ангела! От

нее нельзя было глаз отвести: она влекла к себе неодолимою силою и взоры, и ласки, и любовь всего, что окружало, что видело ее! А мать?.. Душа ее жила в этом ребенке, которого она сама называла собранием изящнейших красот.

Итак, Елену приносили и сажали на цветистый ковер, который нарочно для этого растилали на полу; мне позволяли сесть тут же играть с нею.

День за день, месяц за месяцем, дитя росло, еще более хорошело и делалось смышленнее: она уже ходила, много лепетала и удивляла всех тем, что могла еще становиться прекраснее, тогда как всякому казалось, что красота ее достигла своего совершенства.

Итак, хотя Елена была уже прекрасна, как амур, но со всем тем каждый год прибавлял что-нибудь к ее приятностям. Елене минуло одиннадцать лет, а мне шестнадцать. Я выступила из своей сферы, чтоб стать под развившуюся тогда нашу орифламму,[1] и через то года на три потеряла Елену из виду; а она между тем цвела в тиши и глуши маленького городка северной губернии. Справедливо

можно было сравнить ее с прекрасным, пышным и дорогим цветком, случайно выросшим в заглохшей дебри между мхом, валежником, соснами, опаленными молниею, дикими травами и репьями; во второй приезд мой в отпуск я увидела уже Елену Г*** невестою; ей был четырнадцатый год в половине.

«К чему торопиться, друг мой? дом наш, как полная чаша; всем обилен, всего довольно: серебра, жемчугу, образов в дорогих окладах, шуб, платьев. Леле не прожить всего этого и во сто лет; к чему ж так спешить выдавать ее?» — «Какой ты чужак! Пока мы живы, так и надобно пристроить ее! как она будет уже замужем, тогда мы можем ожидать покойно конца: долг свой исполнили». — «Да неужели нельзя подождать хоть год, по крайности? ведь ей нет еще полных четырнадцати лет». — «А знаешь ли ты, что нынче девица в осьмнадцать лет считается уже невестой зрелую, а в двадцать ее и обходят, говоря: ну, она уже не молода, ей двадцать лет!» — «Но нашей Елене не будет ни двадцать, ни осьмнадцати через год: ей минет только пятнадцать». — «А разве за ничто считаешь упу-

стить жениха? Разве думаешь, что жених для нее сейчас готов, как только мы вздумаем отдать ее?» — «А почему ж бы и не так?» — «Право? А не хочешь ли перечесть по пальцам, сколько у нас в городе старых девок? Тоже были когда-то хороши собой». — «Но достаток-то наш, матушка, сочти за что-нибудь; наша Елена богатая невеста, так женихи всегда будут». — «Видно, ты еще не знаешь нынешних женихов!.. Да и что тебе так не хочется отдать ее за Лидина?» — «А тебе отчего такая охота непременно отдать за него?» — «Имею свои причины, мой друг». — «Нельзя ли и мне знать их?» — «Очень можно, и даже должно: Леля любит Лидина». — «Только-то? это еще не беда! полюбит да и перестанет». — «Какой вздорный ответ! Я не ожидала услышать его от пятидесятилетнего мужчины — отца!» — «Это почему?» — «Потому, сударь, что я ведь не сказала вам: Лидин нравится Леле! Леля имеет склонность к Лидину! Я говорю, Елена любит Лидина! поймите это: любит; итак, судя по ее характеру, способному к сильной привязанности, от этой любви может зависеть счастье и несчастье всей жизни

ее!» — «Ну, ну, бог с тобой! ты настращала меня; делай, что хочешь! не знаток я в ваших раздроблениях любви на такую, сякую, десятую, двадцатую! По-моему — так любовь все одна!» — «Ну, так прикажешь готовить все к помолвке?» — «Пожалуй! Если уже это у тебя решено».

Через месяц после этого разговора старого Г*** с его женой прекрасная головка Елены красовалась в блондовом чепчике с розовыми атласными лентами, и ее пленительное личико, сделавшееся теперь еще пленительнее, сводило всех с ума; она была уже госпожа Лидина.

«Что это, какая красавица Лидина! — говорит молодой стряпчий[2] Атолин, задумчиво поправляя перед зеркалом свои незрелые усики. — Счастливец муж ее!.. недостойный счастливец!» Он отошел от зеркала, бросился в кресла, вздохнул, облокотился на руку и задумался... «Лидина!.. — начал он опять, — красота неземная! но как может она любить его?., а как любит!., ах, как она любит его!., вчера, услышав, что его командируют на месяц в уезд, она побледнела, как лилия, и, не

имея сил скрыть свою печаль, побежала броситься на грудь этого Карайба,[3] и я слышал, как она лепетала, целуя манишку его: „Дружочек, я с тобою поеду! я не останусь здесь!“ — „Полно Леночка, не мешай; что ты!“ — и он имел дух отвести ее рукою от груди своей! этого ангела, столь юного и прекрасного! Он не взглянул даже на нее и продолжал играть и курить так спокойно, как будто не жена, подобная амуру, со слезами жалась к груди его, а собака пришла полизать руку, поласкаться, и которую он отогнал, чтоб не мешала!..» — «Ха! ха! ха! — раздалось за дверьми гостиной. — Атолин! не с ума ли ты сошел? что ты тут разговариваешь сам с собою? — Лидин, легкий на помине, растворил дверь и остановился на пороге, — что с тобою, брат? не в горячке ли ты? что ты бредишь? велика дать водки, я заехал к тебе проститься, меня откомандировали по делу на целый месяц, тебе ведь тоже надобно будет приехать». Атолин велел подать завтрак. «Ты прямо из дому, Лидин?» — «Нет, я заезжал проститься к Верочке и Дунюшке». — «Какой вздор! ты шутишь!» — «Нет, право, не шучу! я сейчас от

них». — «Возможно ли!., от такой красавицы жены!., два месяца как женат!., и поехал к двум известным негодяйкам!.. Лидин? человек ли ты?..» — «Ах, полно, надоел, вот точно же! моя: заахал, завосклицал: человек ли ты?.. козел ли ты собака ли ты?.. Ну, к чему это вранье? Разумеется, я человек, а чтобы еще более мог увериться в этом, так вели подать поболее хорошего вина. Скоты пьют одну воду». Атолин невольно расхохотался, велел принести вина, и, пока Лидин пил его, стакан за стаканом, он думал: Лидина будет моя! Не может она долго любить его; иначе у нее был бы какой-то дьявольский вкус, чего, кажется, нельзя предполагать; теперь она все еще не знает его, но... будет, будет моя непременно!

Лидин только что определился на службу в том городке, где отец Елены был чиновником. Он вовсе и не думал о женитьбе; но как он был собою молодец, довольно ловкий с дамами, довольно вежливый со старухами, довольно образованный, довольно сведущий по тамошнему месту, довольно буйный, довольно развратный, то мать Елены, не имевшая о

двух последних его качествах никакого понятия, потому что он тщательно скрывал их, и пленяясь только видимыми достоинствами, в душе нарекла его своим зятем и, сообразно с этою целью, стала приглашать его то на вечер, то на обед, то на гулянье за город, — и таким образом мало-помалу он сделался наконец вседневным гостем в их доме; на Елену смотрел он равнодушно, любовь была для него чувство вымышленное; никогда ни малейший отголосок ее не отзывался в его чугунном сердце, но, однако ж, глаза его видели предметы точно так же, как глаза всех других людей; например, он очень хорошо видел, что Елена необыкновенная красавица, что лебединая грудь ее и шея полна жемчугу, что шкафы старого Г*** полны серебра, сундуки полны дорогих тканей и мехов, кладовые полны всем; хорошо понимал, что лестно быть владельцем всего этого, и, наконец, был совершенно уверен, что от него зависит сделаться им; ко всему этому он видел, понимал и был уверен, что его любят страстно!.. Вследствие всех этих соображений Лидин скоро исполнил дражайшее желание безрассудной

Г***, сделав предложение о браке, он получил согласие в ту же минуту, и все сделались веселы и счастливы, как нельзя более. Старуха видела Леночку пристроенною. Елена дышала любовью и была тенью своего бесценного Лидина. А Лидин? Лидин весело и беззаботно сидел на диване, курил дорогой табак из дорогой трубки с дорогим чубуком; ласково смотрел на белую шейку невесты; на ней был такой превосходный крупный жемчуг!! В прекрасные глаза ее он смотрел только тогда, когда говорил с нею, да и на что же больше? Что бы он увидел в них? Выражение кротости, добродушия, нежную любовь, красоту, блеск, длинные ресницы? Что ему во всем этом? Все это будет его навсегда, успеет еще насмотреться. Дело пошло обычной чередой: жених сделался мужем, и прекраснейшая девица, почти еще не вышедшая из детских лет, неусыпным старанием родной матери отдана во власть человеку развратному, пьяному и картежнику; благоразумная матушка, до сего времени терзавшаяся страхом, чтоб ее дочь не осталась в девках, теперь успокоилась: Леночка замужем! Леночка пристроена! Однако

ж она еще дитя! ей не исполнилось четырнадцати лет! страстная любовь ее к Лидину точно ли любовь? ответ на этот вопрос может дать одно только время. Что-то скажет свет, кого обвинит, когда Елена, в лета развития ума, пробуждения чувств, увидит, какое недостойное существо идет о бок с нею по дороге жизни; увидит и, по неотъемлемому праву человека управлять самому своею волею, отдалится от ненавистного товарищества!.. и это еще будет лучшее; но если она пойдет иначе!.. тогда злобный свет, наверное, оставит в покое глупую мать, слабого отца, подлого мужа и обрушится всею тяжестью неправого суда своего на бедное четырнадцатилетнее дитя!..

«Знаете ли, матушка протопопица, какую новость скажу вам?»— говорила купчиха Круглова, вваливаясь в комнату, чистую, прохладную, обставленную портретами всех бывших, настоящих и будущих архиереев. Протопопица, в платочке и шугае чинно сидевшая на красном сафьянном канаве, встала, поцеловалась с гостьею, попросила ее сесть и тогда уже спросила звонким серебристым го-

лоском своим: «Какую ж это новость, матушка Анисья Ивановна, хотите рассказать мне?.. прошу покорнейше, я очень люблю слушать новости». — «Вот извольте видеть... только это, матушка, пусть останется между нами до времени; не говорите никому». — «Извольте, извольте, я не такого десятка! я не люблю расшевать слухов. Итак, что же вы слышали?» — «Вчера муж мой с бургомистром, ратманом, словесным[4] и еще двумя богатыми мещанами на радости — что взяли выгодную поставку хлеба — гуляли часов до трех за полночь!.. Это я вам рассказываю, матушка, извольте видеть, для того, чтоб вы изволили понять, почему я узнала дело, которое таилось в темноте глубокой ночи. Муж мой, расставшись с пирующими друзьями, возвращался домой довольно уже навеселе, улицы были пусты, как обыкновенно бывает в этот час; все спало; нигде ничто не шелохнуло; и он брел нога за ногою, почти уже в дремоте; вдруг до слуха его стали доходить какие-то невнятные слухи; он остановился, чтоб шелест собственных шагов не мешал ему слышать; остановился и стал прислушиваться; показалось ему, что

кто-то плачет; он стал потихоньку подвигаться вперед, плач делался явственнее; подошед еще ближе, он ясно слышит стон, рыдания, всплескивание руками! Прижавшись к домам, он подходит под самые окна дома, где плакали, и видит женщину, одетую не поспальному, лежащую грудью на окне и смотревшую то в ту, то в другую сторону вдоль улицы; она попеременно то горько плакала, рыдала, била себя в грудь, то опять выставлялась как могла далее из окна и смотрела по улице. Это продолжалось более часа, начали уже петь петухи, но муж мой все еще стоял под окном; ему хотелось дождаться, чем это кончится, и вот, в отдалении, послышалась походка чья-то, муж мой пробрался по стене от окна к небольшому углублению в заборе, где и спрятался, так, однако ж, что, не будучи видим, сам мог видеть все пространство улицы перед домом, где происходила сцена: человек приближался скорыми шагами, но неровными, что показывало его непрерывное пошатывание из одной стороны в другую. Как только послышались шаги его, рыдания затихли, и когда он подошел так близко, что

плачущая особа могла узнать его, то вместе с восклицанием радости раздался стук поспешно закрытого окна; шатающийся человек спешил к воротам и, сказав отрывисто: дура! отворил их ударом ноги и скрылся за хлопнувшей сильно половинкою ворот». — «Знает муж ваш, чей этот дом?» — «Как не знать!.. один из лучших». — «В самом деле? кто же?» — «Отгадайте». — «Может быть, Степанида Юрьевна? Ее муженек погуливает; только она способнее накричать, разбранить и даже побить, нежели рыдать до свету; нет, нет, это не она». — «Разумеется, не она, ей уже не привыкать проводить ночи розно с мужем. Нет, матушка; это новинка, угадывайте». Протопопица подумала минут с пять: «Неужели же это! но нет, не может быть!..» — «О ком вы думаете?» — «Лидина?» — «Она и есть!» — «Ах, боже мой! Боже мой!.. три месяца только замужем!..» — «Да, матушка! прибавьте к этому: такая красавица! четырнадцать лет, с несметным богатством!» — «Ну что касается до несметного богатства, то я думаю, что новобрачный скоро ему сделает смету». — «Да и я тоже слышала, что для этого конца он начи-

нает хорошо: неделю тому назад он проиграл три тысячи рублей; теща поговорила с ним крупно; зато он дня три не говорил ни слова с женою, которая чуть не растаяла от слез на груди своей матери, и вот старуха купила ей примирение с мужем за новые три тысячи». — «Какой ужас! чем кончатся все эти беспутства?» — «Разумеется, гибелью которого-нибудь из них, а, может быть, и всех». — «Бедный Г***, хорошо он сделал, что убрался на тот свет; недаром он так неохотно давал свое согласие на этот брак; сердце его слышало, что тут не будет ничего хорошего, — а впрочем, любезная Анисья Ивановна, возложим упование на господу; ведь он всем распоряжает». — «Оно так, матушка протопопица; но я от кого-то слышала, не помню хорошенько, что бог, давши умным людям в удел разум, предоставил и волю, как поступать, но дураков взял под свою опеку, и оттого дураки всегда и во всем счастливы». — «Хорошо, пусть и так! что ж из этого? — к чему вы это рассказали?» — «Да вот извольте видеть, — старая Г*** считается у нас женщиною умною; она же ведет себя так великолепно; с на-

ми не братается; в выборе зятя ни с кем не советовалась, поступала по своему разуму, так бог тут уже и не вмешается». — «Эх, полно тебе, Анисья Ивановна, какая ты греховодница! Услышит тебя отец духовный!» С этим словом протопоп, как будто по призванию, явился пред двумя женщинами. Он дал благословение смиренно подошедшей к нему купчихе и сказал жене, чтоб приказала подавать чаю.

Чрез пять лет после этого разговора, я получила письмо от батюшки, в котором, между прочим, было: «от нас переведен в другой город Лидин и Атолин; жена Лидина сделалась теперь совершенной красавицею; но при всем этом в глазах моих много потеряла, ей недостает чего-то, или, лучше сказать, она приобрела что-то до крайности невыгодное для себя; не хочу верить бумаге слухов, которым боюсь верить сам». Так оканчивалось письмо батюшки; мне некогда было останавливать мысль свою на догадках, что сделалось с Еленюю и что такое она приобрела к своей невыгоде. Наступал грозный двенадцатый год, и пред ним, как пред ураганом, все притихло.

Отечественная война наша приходила уже к окончанию; неприятель пожимался от холоду в древней столице нашей и совсем, кажется, был не рад, что так далеко зашел, как в буквальном, так и в переносном смысле. В это время Главнокомандующий дал мне поручение в К., а как тут недалеко живет отец мой, то мне был очень приятен этот случай побывать дома и несколько отогреться.

Мне было так тепло и весело дома, что я на несколько дней совсем забыла дымные бивуаки, холодный ветер, мелкий дождь, крупный снег; шинель без подкладки и другие тому подобные сильные развлечения нашей воинственной жизни; мне казалось, что сутки сделались менее 24 часов, так быстро и невидимо пролетало мое время в кругу родных и знакомых; в числе последних была одна молодая дама. Образованный ум ее и приятное обращение очаровывали меня до того, что я проводила у ней одной все мои вечера часов до двенадцати. Мы так много находили о чем говорить, не касаясь ни пороков, ни слабостей ближнего, что долго не имели нужды прибегать к последнему ресурсу от скуки: к

злословию; но в один вечер что-то ни она, ни я ничем не могли заняться; ей не хотелось играть на своем фортепиано, мне не хотелось просить ее об этом! Она не имела охоты хвалиться мне своими рисунками, а я еще менее рассматривать их. С час уже сидели мы обе, не говоря ни слова, каждая в особливом углу дивана и каждая или пробегая мыслями прошедшее, или ища, что бы тут сказать, вдруг, как будто звезда покатилась с неба, пролетел в памяти моей образ юной и прелестной Елены. Я поспешно спросила, и так скоро, и так громко, что П*** Н*** вздрогнула. «Знали вы Лидину?» — «Что это, как вы меня испугали!.. Лидину? Знала». — «Коротко?» — «Что вы разумеете под словом: коротко?» — «Ну, то есть, вы бывали у нее; она у вас; водили вместе хлеб-соль, как говорят в наших местах». — «Нет, я узнала ее, или, лучше, об ней, в такое время, в которое никто уж не водил с нею хлеба-соли, исключая людей, с которыми всякий хлеб покажется горек». — «Этому трудно поверить. Елена была сама кротость и непорочность в виде прекраснейшего из земных созданий!» — «Наружность ее еще и теперь

такова, когда она молчит». — «Когда молчит? Вы от часу более удивляете меня! что ж такого в ней есть, когда она говорит?» — «В ней слышен тогда тот злой дух, который овладел теперь ею, как своим достоянием!» — «Еленю!.. — Я встала с дивана: — Неужели вы так ужасно шутите?..» Вместо ответа П*** Н*** принесла мне небольшую тетрадь, мелко исписанную, в заглавии было крупными словами: от нечего делать. «Вот вам плод моего праздного времени, возьмите это с собою, вечером в постели прочитаете: здесь все шесть лет замужней и безмужней жизни Елены». — «Как безмужней? разве она овдовела?» — «Почти овдовела; муж бросил ее и без вести пропал». Этого уже было много для меня! Сердце мое стеснилось: я любила Елену! я игрывала с нею в детстве, и мне казалось, что я еще и теперь вижу на цветном ковре и белой атласной подушке прекрасное годовое дитя!.. Я взяла тетрадь, а как на этот вечер всякая охота у нас к какому бы то ни было занятию совершенно пропала, то и решилась я идти домой лечь в постель и читать.

Через месяц после свадьбы Елены Г***

мать ее сидела у изголовья своего больного мужа; она вязала маленький чулочек, тонкий, как паутина; больной долго смотрел на ее занятие и наконец тяжело вздохнул. Старая Г*** поспешно бросила работу и наклонилась с беспокойством над кроватью мужа: «Что с тобою, друг мой? не хуже ли тебе?» — «Нет, все так же. Но для кого ты вяжешь этот крошечный чулок?» — «Для внука!» — «Как ты вдруг при этом слове развеселилась! Слишком рано ты начинаешь готовить гардероб малютке, которого, может быть, никогда не будет». — «Ты, право, как зловецкий ворон: с начала сватовства Лидина и до сих пор не перестаешь предчувствовать и предсказывать какие-то беды. Что с тобою делается? На чем ты основываешь свои губительные предположения, что Елена будет несчастлива?» — «На многом, друг мой! начнем с того, что мы отдали дочь нашу, не знаем за кого!» — «Как?» — «Разумеется! Что мы знаем об Лидине, кроме того, что он Лидин?» — «Да что ж нам более надобно знать?» — «Как не то только, что он Лидин? это ли ты хотела сказать?..» Старуха замолчала: с четверть часа

никто из них не начинал говорить; наконец жена сказала вполголоса: «Ну пусть так, что я поторопилась; ничего не развела ни о нраве, ни о состоянии, ни о происхождении Лидина; но до сих пор все хорошо; ведь чтоб так беспокоиться, как ты, надобно иметь какую-нибудь причину». — «Любит ли жену свою Лидин?» — «Души не слышит в ней». — «Чем ты это докажешь?» Старуха опять замолчала. «Впрочем, может быть, я пугаюсь напрасно! Не хочу отравлять материнской радости твоей заключениями, может быть, ошибочными, — прости меня, друг мой, что потревожил твое спокойствие, вяжи твой чулок, авось, бог милостив, и ты наденешь его на крохотную ножку внука или внуки. Мир, Фанничка, дай мне руку! не сердись?» Г*** со слезами прильнула к груди доброго мужа. «Теперь прости пока, друг мой, помоги мне оборотиться на другую сторону, я хочу заснуть».

«Есть ли в свете что-нибудь столь прекрасное, как молодая Лидина в трауре?» — говорил Атолин, возвращаясь с кладбища, на котором похоронен был старый Г***. Он умер

неделю спустя после своего разговора с женою; сегодня минуло шесть недель со дня его смерти; жена и дочь пришли, по принятому обыкновению, помолиться на могиле покойника. Атолин, того только и подстерегавший целые дни, где бы увидеть Лидину, узнав, что она будет на кладбище, пошел следом, будто прогуливаясь, спрятался в роще за оградой и смотрел с невыразимым восторгом на плачущую красавицу, стоящую на коленях и молящуюся на могиле отца; когда все кончилось на кладбище и когда Лидина с матерью уехали домой, Атолин отправился тоже к себе. Он шел тихо, задумавшись и потупя взор, твердил вполголоса что-то, упоминая имя Лидиной. Вдруг раздался близ его громкий и несколько дикий смех, он вздрогнул, поднял глаза, перед ним стоял Лидин. Лицо его показывало, что сегодня он ранее обыкновенного переполнил меру. «Здравствуй, дневной лунатик! Что ты так бредешь нога за ногою? Ну, брат Атолин, — воля твоя, а я давно замечаю в тебе расположение к сумасшествию. Что ты все бормочешь сам с собою?» Атолину всего в свете противнее был вид мужа Елены, и он

всегда старался от него удалиться, так и теперь, сказав слова два в ответ на его фамилиарные шутки, хотел было уйти, но тот схватил его за руку. «Да куда ты, дикарь? пойдём ко мне: у меня сегодня поминовение тестю, так обе бабы, старая и молодая, велели тебя звать, пойдём!»

«По крайности, дай мне зайти домой одеться». — «Вот какие пустяки, ты и так красавчик хоть куда; да и в уме ли ты наряжаться на поминки? ведь это, брат, празднество слезное». Говоря это, Лидин не выпускал руки Атолина и тащил его усиленно с собою; лучшим делом было уступить; но молодой стряпчий с ужасом замечал, что Лидина разбирал хмель; он боялся каких-нибудь сцен домашних, при которых ему не приводилось и не хотелось быть; но делать нечего, он идет в дом своего кумира и идет гораздо скорее, нежели бы хотелось, потому что пьяный Лидин шагает, как леший! Пред крыльцом Атолин употребил все силы вырвать свою руку. «Да пусти, братец, как тебе не стыдно! Неужели ты и в залу вбежишь, как сорвавшийся с цепи? Ведь там твоя теща, старая женщина,

священники; усмирись, пожалуйста». — «Мой дом! Вхожу как хочу, а ты, пожалуй, прокрадывайся себе на цыпочках».

С этими словами Лидин распахнул двери настежь и влетел, как бомба, и так же, как она, привел всех в расстройство. Чинное собрание священников, видя такое бурное вторжение владыки дома, переглянулось с беспокойством; бедная молодая побледнела и потупила заплаканные глаза; теща всплеснула руками и, не говоря ни слова, смотрела только с укоризненным видом на ворвавшегося сумасброда! «Ну что вы так все насторожились? Что сделалось, матушка! жена! не сердитесь! я сегодня очень печален». Важный вид священников исчез, не было возможности удержаться от смеха при виде печали Лидина. «Ну, хорошо, любезный зять, садись же за стол: мы только тебя и дожидались». Сели. Атолин, поместившийся против Елены, краснел и потуплял глаза всякий раз, когда муж ее начинал петь вместе с попами. После стола Лидин посадил жену к себе на колени и хотел было поцеловать, но, увидя (теперь только) что у нее глаза красны от слез, грубо толкнул

ее с коленей: «Опять плакала, вот нестерпимая плакса! скажи, пожалуйста, чего ты воешь с утра до вечера?., вечные слезы!., черт возьми такое супружество! пила бы вот лучше по-моему: жена во всем должна раздражать мужу!!» Он пошел к двери, шатаясь: «Атолин, не уходи, брат, до моего возврата». К счастью своему, старая Г*** не была свидетельницей этой проделки; она хлопотала что-то по хозяйству и не имела горести видеть свою милую Леночку, получившую толчок с колен мужа. Атолин не смел взглянуть на Лидину и, улуча минуту, когда старуха заговорила с кем-то из причета, ушел, хоть это в провинциях и не водится, — ушел, не простясь. «Рано же, — думал он, — начал Лидин потчевать жену свою толчками; хотя эти толчки толкнут ее со временем ко мне в объятия, но я не хотел бы быть обязан своим счастьем такому жестокому средству! Ах, каннибал, каннибал! наложить руку, грубую, запачканную чернилами руку на эту чистую, непорочную голубицу! и когда же наложить! еще нет и полугода, как женат!»

В одно ясное майское утро мать и дочь си-

дели в чистой светло-голубой, богато мебелированной комнате, обе за рукодельем: Елена за пяльцами у окна, старая Г*** с шитьем у столика; первая вышивала золотом по голубому гроденаплю[5] пелену для церкви; старуха, пристрастившаяся к мысли — одевать собственными руками будущих внучат, шила точно такую же батистовую рубашечку, какую некогда носила ее Леночка. «Что ты так приуныла, дитя мое? целое утро я не слышу, чтоб ты сказала хоть одно слово; что с тобой — здорова ли?» Елена с пяльцами сидела против окна, к нему лицом, а мать ее у столика за нею. Не получая ответа на вопрос свой, она взглянула на дочь и увидела против света, что оба уха ее пылают, как зарево. «Леля!..» Ответа нет, но что-то, как горох, застучало по туго натянутому гроденаплю. Встревоженная мать поспешно встала, подошла к дочери, обняла ее одною рукою и, наклонясь к пяльцам, увидела, что работа ее вся смочена слезами; хотела заглянуть в лицо, но Лидина наклонила голову почти к самым пяльцам, на которые градом падали крупные слезы. «Леленька! что с тобою, дитя мое?» — спрашивала ис-

пуганная и опечаленная мать; она хотела поднять ей голову, хотела взглянуть в лицо, хотела поцеловать ее и не могла. Старание Елены прятать лицо от матери так встревожило эту последнюю и такое странное подозрение внушило ей, что она сильно подняла дочь свою с места. «Елена! смотри мне в лицо», — сказала она таким голосом, по которому Лидина поняла, что мать ее отгадала все. Она подняла голову, взглянула на мать и в ту ж секунду упала, рыдая на грудь ее... Правая щека молодой женщины горела багровым огнем... «Так вот уже как?..» — произнесла Г*** глухим, могильным шепотом! Она села опять на свое место; посадила дочь к себе на колена и сильно жала ее к груди своей, говоря прерывающимся голосом: «Дитя сердца моего! драгоценнейшее сокровище мое, простишь ли ты мать свою, что она толкнула тебя в бездну зол! что мне теперь делать?.. пойду на могилу моего доброга Алексея, умереть от раскаяния!..» — «Полноте маменька! не плачьте, моя родная», — говорила Лидина, целуя глаза матери и отирая платком слезы ее, ручьем катившиеся по лицу бедной старухи. «Как же

это было, дитя мое?., мое милое, мое бедное дитя! о, я несчастнейшая из всех матерей!., могла ли я думать, что увижу этот знак бесчестия — этот адский румянец на чистом, непорочном лице моего дитяти! и не дрогнула эта нечестивая рука при виде такой красоты! как же это было, моя Леля?» — «Ради бога, маменька, не спрашивайте, — говорила Лидина, начиная снова плакать, — и если вы дорожите моим спокойствием, то не говорите и ему ни слова». Так кончилась эта сцена, давшая первое понятие старой Г* **, как хорошо пристроила она свою Леленьку. С того дня исчезло все для нее; будущее представилось ей длинною цепью несчастий; она уже не работала для внучков; тоска грызла ее сердце, и вид багровой щеки ее дочери не выходил из мыслей ни на минуту; даже во сне она болезненно стенала и говорила: «На твоём лице, дитя мое, напечатан знак поругания! я! я напечатлела его!.. горе мне!..»

Между тем Лидин, два года женатый и ни о чем так мало не думавший, как о своей жене, совершенно предался всем излишествам: он пил, играл, мотал и содержал любовниц.

Старуха теща с год томила еще, наконец пала под бременем горести и раскаяния; за час до смерти она собрала последние силы и стала пред дочерью на колена: «Дитя мое! прости меня!.. ты погибла! но я... я, несчастная, хотела тебе лучшего! я хотела тебя пристроить!..» Горестно рыдая, подняла Лидина мать свою и отнесла ее на постель; через час она обнимала уже бездушное тело.

Вечером того дня, когда похоронили старую Г***, Лидина, утомленная горестью, слезами, хлопотами, бросилась на диван. Взор ее грустно переносился с одного предмета на другой: все вокруг ее было золото, шелк, атлас, бархат; все богато, великолепно, со вкусом; всего этого она полная хозяйка, полная обладательница. Но что ей в этом? Страх теснил младую грудь ее; она теперь одна, совершенно одна, беззащитно предана во власть мужа — буяна, пьяницы и картежника! Страстная любовь, помогавшая ей извинять и переносить терпеливо подлость поступков его, от жестокого обращения погасла, и в душе ее не осталось другого чувства, кроме страха. В полном смысле следовала она при-

казанию, возглашаемому в церкви: «жена да боится своего мужа!» и боялась своего, как лютого зверя. С полчаса лежала она, помышляя о матери, о первых днях своего супружества, о красивой наружности своего негодяя мужа; вздрагивала при всяком шуме, прислушивалась, и если казалось ей, что идут по лестнице, то она обмирала от страха. Наконец все затихло, наступила ночь. Елена не велела подавать огня себе и задремала тою дремотою, которая несравненно хуже бессонницы. Всякую почти минуту она с испугом подымала голову, быстро взглядывала на дверь и опять упала на подушки; наконец натура уступила, Елена заснула глубоким сном; но около полуночи ужасный стук, потрясший весь дом, заставил ее в беспомощности броситься к дверям, которые в ту ж минуту с треском растворились от удара ноги пьяного Лидина. «Здравствуй, голубушка моя, женочка, и прощай, милочка!.. еду в уезд! вели подать вина!..» Он бросился на диван. Лидина, обрадованная, что ее встретили не бранью, позвонила, чтоб велеть подать огня и вина. «Ну, что заблаговестила, поди сама!..» Елена поспешно

вышла. Когда свечи и вино было принесено, Лидин велел жене сесть подле себя и смотрел на нее глазами, в которых как будто проглядывало сожаление. «Я напугал тебя, бедняжка, извини! спешил очень; надобно до свету выехать!» Он налил себе стакан шампанского. «Вели, пожалуйста, подать другой». Елена молча повиновалась. Несмотря на покойный тон голоса, каким говорил с ней муж, сердце ее жестоко билось; ей уже не новое было видеть внезапный переход от кротости к неистовству; она поставила другой стакан на поднос и села опять подле мужа. «Итак, Леля, теперь мы с тобою остались одни. Стариков нет! ты да я, я да ты — полновластные обладатели всего видимого и невидимого богатства нашего, — говорил он, обводя глазами обои, зеркала, занавеси, кенкеты, люстры и прочие мебели и украшения комнат. — Богато! красиво! — воскликнул он, выпив стакан и стукнув им об стол; — славную жену подцепил!! молодец, Лидин!!» Все это говорил он сам с собою, не обращая внимания на трепещущую жену свою, которая сидела, не смея ни пошевелиться, ни встать, ни уйти. Вдруг он повернулся к

ней: «Лелечка! ангелочек мой! любишь ты меня?..» Разумеется, надобно было отвечать утвердительно. «Докажи же мне это!» — «Что тебе угодно?» — «Выпей этот стакан вина!» Как ни боялась Елена какого-нибудь неожиданного взрыва от своего мужа, но этот новый способ доказывать любовь показался ей так забавен, что она захохотала, как дитя, и сейчас взяла в руки стакан. «Постой, постой, душенька! чокнемся!» — и Лидин приблизил свой стакан к ее, дотронулся, или, как говорит он, чокнулся, выпил и смотрел на жену, любясь, как она с расстановкою и отдыхом старалась выпить огромный стакан, до краев налитый шампанским. Она не смела и подумать не допить; ведь это было доказательство любви... Елена чувствовала себя в странном расположении духа: она смотрела без боязни на своего мужа, говорила с ним смело, громко, отдавала приказания людям, не выходя уже для этого потихоньку из комнаты, как то делала прежде, и звонила раз десять, почти без надобности. Во все продолжение такой необычной бодрости своей молодой жены Лидин сидел покойно, пил свое вино и, не пока-

зывая ни малейшего вида нетерпения, изредка говорил только: велите поскорее укладываться. «Что он долго не едет», — сказал наконец Лидин, допив последний стакан и вставая с дивана. «Кто, друг мой?» — «Атолин. Мы едем вместе, — нам в одну сторону; надобно послать за ним...» В эту минуту послышался заливной звон многих колокольчиков, и чья-то повозка с громом подкатилась к воротам... «А, вот и он!» Атолин всходит тихо, чтоб не беспокоить опечаленную хозяйку. Яркое освещение комнат не удивляет его, ведь Лидин дома, даже и толпа пирующих гостей, если б была тут, не была б диковинкою в этот похоронный вечер, или, лучше сказать, ночь; но он все-таки думает, что Лидина в своей спальне плачет о матери. Итак, он входит с осторожностью, почти на цыпочках... Громкий хохот Лидина и восклицание: что ты крадешься, Атолин? никто не спит, — заставило его отложить ненужные предосторожности; он вошел в гостиную, и скорее бы он поверил глазам своим, если бы увидел старую Г*** воскресшую, нежели Елену с веселым видом, алыми щеками, блестящими глазами, смело

смотрящими!! Она стояла за стулом своего мужа, наклонясь несколько на его плечо; одна рука ее обвивала его шею, а другою она то приглаживала, то ерошила его волосы. Лидии, хотя развратный и буйный человек, был, однако же, не глуп: изумление Атолина не укрылось от него. «Вот, как мы нынче поживаем, — сказал он, взяв руку жены и целуя ее. — Как бы ты думал, Атолин, какой хитростию унял я слезы моей Леночки? заставил ее выпить вот этот стакан, полный вина!» Атолин взглянул на стакан, на который Лидин указывал, взглянул на Елену, продолжавшую играть волосами мужниной головы, и остановил глаза свои на Лидине. «Что ж? не веришь». — «Если ты не шутишь, то...» — «То что?» — «Не было б вредно!» — «Вот какой вздор! вино цельное! моя Леля любит меня! она и еще выпьет стаканчик; не правда ли, Леночка?» Говоря это, он закинул голову назад и, охватя обеими руками жену, приклонил ее к себе и поцеловал несколько раз, по обыкновению пьяных, как можно крепче. «Скоро рассветает, — сказал испуганный Атолин, — я поеду; нам надобно бы до дня прие-

хоть на место!» Он поклонился Лидиной и хотел идти. «Постой, постой! куда ты так спешишь?» — «Ты, я думаю, слышал, куда. Прощай! я буду ждать тебя на месте». — «Нет, нет, — я сию минуту еду!» Он вскочил со стула, пошатнулся, сказал жене отрывисто и не глядя, прощай! и побежал за Атолиным. Через три минуты обе коляски гремели уже по мостовой с неистовым звоном всех колокольчиков, и наконец весь этот гам, становясь тише, тише, замолк совсем...

Мертвая тишина царствовала в доме; свечи нагорели; кенкеты дымилась; Елена спала на диване одетая, и в окна виднелся рассвет наступающего утра. Часа через два, когда солнце поднялось уже довольно высоко, вошла и комнату тихонько женщина, бывшая кормилицею и вместе нянькою Елены, а теперь управляющей всем хозяйством и людьми. Добрая Ульяна покачала головою, видя беспорядок комнаты; на столе стояли бутылки, стаканы; светилось пролитое вино; стулья стояли как попало. «Боже мой! Боже мой! когда так бывало прежде?» Говоря это, старуха взяла турецкую шаль и накрыла ею

спящую госпожу свою; привела в порядок мебели, стерла со стола, унесла бутылки и свечи и воротилась опять, чтоб открыть окна. Свежий ветерок, пахнувший в комнату, разбудил Елену. Она открыла глаза и, полежав с минуту, встала: голова ее была тяжела. «Принеси мне чаю, мамушка», — сказала она Ульяне, которая стояла перед нею и смотрела на нее с выражением глубочайшего сожаления. «Сейчас, матушка барышня, принесу; а вы между тем уснули бы еще немного; вы что-то очень бледны». Она пошла. Елена облокотилась на столе и закрыла глаза рукою... лицо ее горело при воспоминании вчерашнего вечера, что подумает Атолин?.. «Бесчеловечный муж! Ему все ничто: ни мое здоровье, ни мое унижение! Неужели последнее нисколько не трогает его сердце!.. Но чего я хочу? Понимает ли он это так, как другие?.. Считает ли за унижение для меня быть в таком состоянии, как вчера? Нет!.. Я думаю, если б он видел меня всякий день такою, то считал бы это делом очень обыкновенным и нисколько не предосудительным!.. Ах, маменька!.. маменька!.. но... мир праху твоему! да простит тебе все-

вышний, о мать моя, бедная мать моя!..» Елена пала на подушку, рыдая и ломая руки.. Она вспомнила, как мать ее уже в томлених смерти стояла пред нею на коленах, говоря: «дитя мое! прости меня!» Вскоре после этого веселого пира в похоронный вечер Лидин был переведен в другой город и вместе с ним Атолин.

«Видели новую чиновницу?» — «Видела; она была вчера у меня с визитом». — «Говорят, будто очень хороша собой?» — «Больше, нежели хороша — красавица». — «О, господи, твоя воля! уж бы полно нам этих красавиц!» — «А что так? в чем они мешают вам?» — «Да как же? посчитайте-ка, сколько у нас девиц, казалось бы, и недурны; иногда молодой человек и подсядет к ним, поглядит, протанцует лишний раз!.. думаешь, вот дело пойдет на лад! вдруг прилетает из другого города красавица замужняя, а нам ведь то и на руку, и пошли ухаживать, услуживать, провожать верхом и пешком; катать на рысаках; смотреть; вздыхать; одним словом, всякая красавица всегда уже наделает у нас кутерьмы на целые полгода; а если она умна и вос-

питанна, так ровно на два года; а между тем девки наши стареют да стареют». — «Ainsi va le monde,[6] Катерина Алексеевна! жалобы наши его не переменят; всегда изящное будет предпочтительно посредственному». — «Хорошо вам так говорить; вы сами красавица! а посмотрели б вы, с каким беспокойством все наши царь-девицы рассматривают всякую приезжую, разумеется, если она хороша собой; как тщательно выискивают и находят недостатки именно в том, что в ней более всего нравится! послушать их теперь, так Лидина — верх безобразия!» — «Стало быть, они все без глаз? Лидина красавица для кого бы то ни было!» — «Только не для мужа! это я наверное знаю». — «Вам и книги в руки, Катерина Алексеевна! вы уж слишком много что-то знаете наверное». Приехавшие гости прервали этот разговор двух дам, из которых одна была молода, умна и прекрасна, а другая просто добрая женщина; первая была жена городничего, последняя — градского головы. После обыкновенных приветствий разговор между семью или осьюю женщинами завязался опять тот же, то есть о новой чиновни-

це — красавице. «Да бог с ней, оставьте — уж надоело, — сказала наконец осьмидесятилетняя помещица, — что вы все толкуете о красавице? что не скажете ни слова о красавце?» — «О муже ее?» — «Совсем нет! как будто не знаете? муж ее видный мужчина, хорош собой, но не красавец; я говорю об Атолине». — «Ах, это тот, что приехал с ними, — подхватила молоденькая попадья, с месяц только что вышедшая замуж, — правда, правда, он хорош, как серафим божий!..»

Красота Лидиной, возбуждая зависть в замужних, ненависть в незамужних, заставляла всех их следить очами Аргуса ее поступки, взгляды, телодвижения; замечать каждую усмешку, прислушиваться к каждому слову, негромко сказанному, и толковать все это по-своему. Атолина давно уже нарекли они — единоголосным хором — ее счастливым любовником; и в их сплетническом кругу этот молодой человек никогда не назывался по имени, но всегда иносказательно: «вседневный гость Лидиных; задушевный друг Лидина; *ami de la maison*; [7] и, наконец, без церемонии и пощады: счастливый любовник Лиди-

ной!..» Теперь надобно знать, было ли какое основание этим слухам? был ли от Лидиной какой повод к последнему заключению?.. Увы! был!..

Лидин, приехав к новой своей должности, вел себя, как и прежде: пил, играл, не ночевал дома, проматывал имение с женщинами дурной жизни; с женою обращался холодно, иногда грубо, а иногда и жестоко; она стала убеждать его, не казалась на глаза, когда он приходил домой нетрезвый или в проигрыше. День ото дня более Лидина привыкала быть розно с мужем и — вместе с Атолиным, который все свободное время посвящал ей; рассказывал городские анекдоты, копируя пред нею смешные ухватки чьи-нибудь, заставлял ее хохотать; декламировал стихи; пел; играл на флейте; одним словом, забавлял и не оставлял ее до глубокой ночи; уходя, он выпрашивал в награду поцелуй! один только поцелуй!! Через месяц имел счастье выпрашивать и получать их по несколько уже; через неделю дали ему позволение оставаться еще полчаса долее; опять через месяц посидеть на диване вдвоем; и, наконец, постепенно, награда за

наградю; последняя состояла в праве расставаться не прежде рассвета! А Лидин?.. Лидин счастливейший человек в мире! Он пьет дорогое вино, вихрем носится по уезду на тройке огненных коней с дюжиною валдайских колокольчиков у дуги; заезжает на перепутье то к Машеньке, то к Дашеньке, то к Любочке, то к Сонечке; то к двадцати другим, разных названий, сиренам! К тому же он великий Алхимист: с непостижимым искусством и деятельностью претворяющий в шампанское жемчуг, камни, золото, фарфор, меха, серебро, дорогие полотна; одним словом, все то, чего Леночке не прожить и во сто лет.

Так прошли два года! Но в течение этого времени многое переменялось; многое приняло другой вид, другой ход; особливо в домашнем быту Лидина: жена его, эта некогда робкая, четырнадцатилетняя девочка, прекрасная, как Амур, поминутно льнувшая к груди мужа своего, плакавшая горько по целым ночам до рассвета о том, что он долго нейдет к ней, прыгавшая от радости, когда поцелует ее, — сделалась теперь дамою полною, белою, с роскошными формами, важною, пле-

нительною дамою девятнадцати лет, которая смотрела своими прекрасными глазами очень смело, а многие находили даже, что и дерзко! Алые уста ее, приводившие в восторг своею красотою, прежде так мило лепетавшие слова любви и покорности, теперь гремели в обществах выражениями резкими, решительными, сказанными голосом громким! Все движения стройного тела ее были быстры и показывали совершенную уверенность в себе; робости, кроткости как будто не бывало! Она никогда уже ни от чего не бледнела; не содрогалась; не потупляла глаз; напротив: цвела, алела, блистала глазами, говорила громко, колко, хохотала и мужа не ставила в грош... Изумленный Лидин присмирел! Он не мог понять этого неожиданного переворота в словах и поступках жены своей!.. неожиданного... Сумасброд не воображал, что, ознакомивая жену свою с первых дней брака ее и в продолжение четырех лет с зрелищем пороков, приучая ее переносить брань, толчки, холодность, неверности, заставляя выпивать насильно то в доказательство любви, то от страха огромные стаканы вина; он должен бу-

дет наконец пожать плоды всего этого!.. Лидин и Елена поменялись ролями, хотя не в настоящем смысле — это было бы ужасно; но теперь уже Лидин не смел взмахнуть руки над светло-русою головкою жены своей и угрожать ее розовой щечке, потому что в одну из таких взмашек ее рука, белая, атласная, образец для Фидия,[8] так ловко и так сильно прильнула к темно-красной щеке невежливого мужа, что миллионы искр, из глаз его посыпавшиеся, минуты с две летали и сверкали по горнице. После этой первой попытки и вместе победы Елена совсем перестала бояться своего мужа; не любила она его давно; не уважала тоже; но пока боялась, то скрывала и первые два ощущения; теперь же, свергнув иго страха, явно оказывала мужу холодность, пренебрежение и совершенное неуважение ко всем его требованиям, иногда и дельным. Вместе с развитием сил тела и ума созревали в ней и семена пороков, увы, посеянных в ее юном, некогда столь чистом и непорочном сердце, посеянные адским мужем!.. Она часто смеялась, вспоминая, как в день похорон матери своей выпила стакан шампанского в до-

казательство любви; смеялась тому, с каким детским повиновением схватила стакан, как дитя; с какой расстановкою и отвращением пила его; как задыхалась и дрожала от страха, что ей сделается дурно и что тогда доказательство любви будет неполное. «А теперь, Лидин! — говорила она иногда, наливая себе за столом стакан вина и приглашая его сделать то же, — теперь я пью в доказательство моего совершенного равнодушия к тебе!» Не одну эту неприятность испытывал Лидин; может быть, ведя жизнь беспутную, он мало заботился бы о явном пренебрежении от жены своей, если бы она не уничтожила всей власти его над домом и всех прав над людьми и имением. Все это было ее и, следовательно, зависело от нее и повиновалось одной ей, как только она потребовала этого. Удивленный и взбешенный Лидин видел, как постепенно исчезало шампанское со стола его и заменялось день ото дня худшим вином. Он нигде уже не находил ни нитки крупного жемчуга, ни дорогого перстня, ни собольих хвостов, все было тщательно замкнуто и не иначе выходило на свет, как для превращения в деньги, а иногда

и в собственном виде, но только не для него. Машеньки и Дашеньки, которым он не привозил уже более золоченых пуговиц на сарафан, ни золотом шитых сафьянных башмачков, сделались теперь очень рассудительны и советовали ему вспомнить, что у него молодая и прекрасная жена! Игроки, видя, что он раскуривает трубку простою бумагою, а не бумажкою, как то делал прежде, перестали играть с ним на слово, но требовали, чтоб он положил на стол, как и другие, наличные деньги! Одно, что он мог еще и что было в его воле — это носиться вихрем по уезду на тройке коней вороных; но как он теперь ездил не для того, чтоб бросать деньги, а собирать их, то и прием ему был не так радушен. Здоровье его тоже начинало изменять ему; излишества всех родов, ослабля крепость сил, сделали его ленивым и неспособным к той неусыпной деятельности, какой требовала его должность. Следствием этого были разные упущения, которые внушили его начальству справедливую недоверчивость и огласили его везде дурным человеком. Елена имела также свою невзгodu: Атолин оставил ее!.. Лицо ее было

красоты небесной, пока рисовались на нем: скромность, кротость, невинность, чувствительность и милая стыдливость — качества, с корнем вырванные из сердца ее бессовестным мужем; но когда оно постепенно принимало и наконец совсем получило этот вид смелый, решительный и даже, по мнению некоторых женщин, наглый, тогда Атолин не мог ни видеть, ни слышать ее без того, чтоб не перенестись мысленно к тому, что она была, и не содрогаться от того, что она есть. Он стал приходить реже, сидел недолго, не находил, что говорить, был задумчив, рассеян и спешил уйти, как только мог сделать это, не доводя Лидиной до слез.

Явная перемена Атолина жестоко уязвила душу Елены. Бывали минуты, что воспоминание о умершей матери, о ее последних словах с такой силою представлялось ее воображению и так теснило ей сердце, что она с воплем падала в подушки лицом, как будто стараясь укрыться от какого призрака. «Матушка, — говорила она задыхающимся голосом, — матушка! чего ты хочешь от меня? я простила тебе! Спаси же меня теперь, если

можешь, возьми меня к себе!..»

На вечере городничего несколько дам вместе с любезною хозяйкою и старою помещицею Р* сидели в комнате, довольно удаленной от танцевальной залы и, следовательно, от всякого шума, они сидели все вокруг столика, стоящего перед диваном. Старая Р* расположилась на нем со всеми удобствами, позволенными ее летам. Жена градского головы, первая из вестовщиц, рассказывала что-то, поворачивая голову то к той, то к другой из своих слушательниц, которые почти не дышали от внимания, с каким поглощали рассказываемые вести. «Теперь уже нет никакого сомнения, — говорила она, — что Лидин бросил жену свою навсегда; уезжая, он оставил ей письмо, в котором пишет, что не возвратится к ней во всю жизнь, чтоб она считала себя свободною и поступала как хотела. Лидина горько плакала по целым дням, мои сударыни; но пока еще Атолин, думаю, из остатка совести и сожаления прихаживал к ней часа на два или на три каждый день, она была несколько спокойнее; когда же и это последнее исчезло без возврата, потому что Ато-

лин сосватал невесту в Ц***; перепросился в этот город и расстался с Лидиной навсегда, тогда-то почти в отчаянии она принялась за средство, с которым предусмотрительный муж ознакомливал ее еще с первых лет!» — «Да, а теперь сам первый бежал от успехов своей ученицы!» — «Да неужели, матушка, ваше превосходительство, Лидин от одного этого бросил свою жену? говорят, были другие причины». — «От одного этого! — повторила Р*, пожав плечами; — а по-вашему: одного этого мало?» — «Оно так, матушка, порок большой для женщины пить..» — «*Fi, comme c'est sale... quelle expressions!.. quel mot revoltant!..* пить!.. а quai bon nous avons commense une pareille conversation?..»[9] — Это говорила молодая городничиха вполголоса и повернув в сторону свою красивую головку с явным видом пренебрежения. Р* усмехнулась и, отвечая на прерванную фразу купчихи, сказала: «Не только большой порок, но и верх безобразия, последняя степень унижения». — «Точно так, матушка, ваше превосходительство! Это ж самое я и хотела сказать; но ведь Лидин сам приучал жену свою к... Не знаю,

право, как бы мне выразить это, так чтоб оно не оскорбило нежности слуха вашего; — она смотрела на городничиху. — Ну, скажу хоть так, как вы сами это назвали: к последней степени унижения. Так, кажется, ему нечего было досадовать, зачем делают то, чего он сам хотел!» — «Ну, вот видите, следствия произошли его ожидания; от этой причины родились другие, выгнавшие наконец его из дома: источник всех зол — затмение ума нашего!» Р* оборотилась к хозяйке, как к такой особе, которая лучше других могла понимать ее, и стала говорить: «Лидин, в продолжение трех или четырех лет употреблявший всевозможные старания развращать жену свою, проматывать имение, расстроивать здоровье и терять репутацию, все еще не достиг края гибели, мог бы остановиться, если б имел желание или силу душевную для этого подвига; зло сделано только вполовину, все можно б было поправить. Елене только 20 лет; она никогда не имела склонности к презрительному средству заглушать горе, как говорит простой народ; напротив, она с отвращением и из страха повиновалась мужу, выпивая бокал

в доказательство любви! как то было в похоронный вечер и после повторялось много раз. Я знаю, что и теперь она вдалась в этот порок от нестерпимого терзания сердца и потому, что необработанный ум ее не представлял ей других средств облегчить скорбь свою». — «Однако ж вдалась! — сказала со вздохом одна молодая дама, до сего не говорившая ни слова, — и теперь она погибла невозвратно, хотя вы и говорите, что все еще можно поправить; но от этой низкой страсти не исправляются: она обращается в болезнь и доводит одержимых ею путем позора и несчастья до преждевременной могилы!» В словах и голосе молодой женщины было что-то пророческое и заставило немного задуматься общество, собравшееся перемывать кости Лидиной. Собеседницы молчали минут с пять; наконец жена градского головы, смертельно боясь, чтоб разговор, так вкусно начавшийся и которому она делала главную приправу, от выходки молодой дамы не погас совершенно, сказала набожным голосом: «Сохрани, боже, всякого человека от напасти!.. Вы, матушка, ваше превосходительство, что-то было начали гово-

ритель о зле, вполовину только сделанном?» — «Только, — заметила вполголоса городничиха, взглянув на генеральшу Р* с иронической усмешкою: — человеколюбивая вставка!» — «Да я хотела было доказывать возможность исправления этих молодых людей тем, что имение не все еще прожито; здоровье не совсем расстроено, репутация не совсем потеряна, по крайности, одного из них; итак, мне казалось, что если не для света, то хоть для себя она могла бы еще прийти к быту людей порядочных; но вот N.N. заставила меня переменить мое мнение: я, в самом деле, думаю, что унижительная страсть эта останется в Лидиной навсегда: мать не дала ей хорошего воспитания, не внушила правил и в детские лета отдала во власть человеку беспутному!.. Согласна я с вами, что Лидина кончит несчастливо». — «Неужели-таки Лидин уехал совсем, и жена его не знает куда?» — «Надобно думать, так, потому что более двух месяцев о нем ни слуху, ни духу. Говорят, он уехал, как только получил отставку — в тот же день».

Сначала Елена по ветрености радовалась, что муж расстался с нею, полагая, что теперь

Атолин будет всегда вместе, как прежде. Этот последний, не зная, под каким предлогом сокращать свои визиты и делать их как можно реже, говорил ей, что Лидин начинает замечать их связь и что если они не остерегутся, то он, уверясь в своем бесчестии, наделает публично сцен, от которых она потеряет доброе имя, и для чего им надобно на некоторое время видеться сколько можно реже или даже и совсем не видеться месяца два. Но как от последнего предложения Елена начинала неутешно плакать, то охладевший любовник был еще столько человеколюбив, что приходил к ней раз в неделю часа на два. Это время проходил со стороны Атолина в ничтожных и холодных рассказах; молчании, задумчивости и худо скрываемом нетерпении уйти; а со стороны ее в слезах, жалобах, упреках, и, к довершению очаровательности своего обращения, несчастная Елена оканчивала сцену слез и упреков, прося своего любезного выпить бокал шампанского: из ее рук, если он любит ее, в доказательство любви!!!.. Итак, вот как, когда и с какими прибавлениями отгрянули слова пьяного безумца! Это потчевание выво-

дило Атолина из себя; он уходил, говоря с досадою и некоторою печалью: думал ли я когда слышать от нее подобные слова! Лидина, стараясь обманывать сама себя, приписывала явную холодность Атолина излишней осторожности и боязни подвергнуть ее бешенству мужа; и потому с первых дней точно обрадовалась, что муж освободил ее от своего ненавистного присутствия; но когда прошло несколько дней — Атолина нет! — испуг и тоска овладели ею, она послала узнать, в городе Атолин или куда выехал? Говорят ей, что Атолин переведен в Ц*; что дня четыре тому, как получено об этом предписание, и что Атолин не терял минуты понапрасну; но что с необычайною деятельностью, занимаясь даже и ночью, все привел в порядок, сдал и уехал. «Уехал!»... Более ничего не могла сказать несчастная Лидина!

Через два дня во всех обществах говорили, что Лидина слегла в постель от горести видеть себя с таким пренебрежением оставленною. «Слышали, матушка, новость? горькую новость!» — спрашивала жена градского головы генеральшу Р*.— «Верно, о Лидиной? те-

перь только эта новость кружится у нас в городе; что ж еще говорят об ней? не умерла ли?» — «Ах, дай бы то бог, чтоб умерла, это было б лучше для нее! Нет, матушка, она жива, но сошла с ума». — «Что вы говорите! от кого вы слышали?» — «Сама была у нее, сама видела своими глазами, как она металась по постели: сбрасывалась на пол, каталась, била себя в грудь, стонала и на все утешения и увещания окружающих ее дворовых людей отвечала воем, диким, нечеловеческим воем!.. А глаза ее? Как ужасно они смотрят! я вся тряслась от ее взгляда, хотя она и не узнает никого». Благороднейшие из всех — слезы сострадания показались в прекрасных некогда глазах престарелой Р*. «Разве около нее одни только ее дворовые люди, а более никого?» — «Никого, да и кто ж будет при ней, матушка, ваше превосходительство! кто захочет идти в дом женщины, потерявшей доброе имя». — «Вы, однако ж, были». — «Правда; но я была просто из одного любопытства». Бесполезно было бы говорить с Головихою, так обыкновенно звали ее в городе. Р* велела подать свою карету и поехала к Елене. То, что она

увидела, превзошло далеко описание, сделанное ей Головихой. Несчастливая Лидина с иступлением и яростью тигрицы рвалась из рук пяти или шести женщин, которых отчаянные усилия удержать ее оставляли синие знаки на нежных ее членах! Прекрасные глаза были, как два раскаленные угля; они вышли из своих орбит и выражали ужаснейшее бешенство; шея была в синевах и язык искусан в кровь!.. Дикий вой ее раздавался по всему дому... Старая Р* упала со стоном в кресла: «О, боже, умиლოსердись над нею!.. это страдания нечеловеческие!..» Генеральша не могла и не хотела долее оставаться близ плачевного зрелища; но поспешила к лекарю. Молодой П* встрепенулся от радости, когда увидел подъехавшую к крыльцу карету с гербами Р*. Мысль, что старухе сделался удар или припадок, навела какой-то лучезарный свет на все его черты, и он, сияя веселием, поспешил в зал узнать от вошедшего человека генеральши, что угодно ее превосходительству? Человек почтительно отвечал, что ее превосходительство Софья Павловна Р* просит покорнейше господина лекаря выйти к ней на ми-

нуту, то есть подойти к окну ее кареты. Лекарь, немного расстроенный тем, что Р* ожидает его в карете, а не в постели, поспешил, однако ж, исполнить требование дамы, уважаемой всеми; он подошел к окну кареты, вежливо осведомляясь, что угодно ее превосходительству приказать ему? У доброй генеральши были еще слезы на глазах и испуг на лице. «Ах, любезный мой П*, поезжайте скорее к Лидиной! вылечите ее — вы вылечите меня, это все равно, вот на лекарства и наперед за труды; простите старухе, что поступает без церемонии». С этими словами Р* протянула к лекарю свою руку, взяла его, пожала и, сказав с убеждающим взором «постарайтесь!» — оставила в руке лекаря большой сверток червонцев!.. Карета поехала. Молодой П* оставался дома не более сколько нужно было, чтоб пересчитать червонцы, и, видя, что ему заплачено царски за труды, за которые он еще не принимался, поклялся в душе употребить все свое знание, чтоб возвратить Лидиной здоровье. Через полчаса он был уже в комнате больной и с первого взгляда содрогнулся от мысли, что не оправдает доверенно-

сти Р*. Ему казалось, что вылечить Лидину возможно одному только богу. Несчастливая спала, но каким сном? Она дышала тяжело, прерывисто, с каким-то глухим стоном; судороги поминутно искажали ее лицо, она бормотала что-то невнятным голосом; но имена матери, мужа и Атолина произносила явно и с раздирающим душу воплем: «Что ж ты нейдешь, Владимир? я так давно жду тебя!! ведь надобно же проститься!! Владимир, Владимир, ты меня оставляешь!» — и она так горестно застонала, что молодой лекарь лишился всей твердости и, плача, упал на кресла близ ее постели! Она на несколько секунд затихла и начала опять: «Ты все сердисься, mon cher Serge..[10] За что же? на тебя ужасно трудно угодить! я, кажется, все делаю, что ты велишь: плачу тихонько; не говорю, что ты ночуешь не дома; а стаканы!! посмотри, в обоих нет ни капли!., право, я люблю тебя, Serge!..» Через минуту она опять стала говорить шепотом и трепеща всем телом: «Маменька, маменька! ты опять здесь? ах, как ты бледна! глаза твои потухли!., бедная маменька! ты больна! но зачем же ты на коленях?.,

что... простить тебя?» Продолжительный стон и отчаянное метание по постели оканчивали этот бред, она утихала на полчаса, и опять начиналось то же. Лекарь прописал несколько лекарств и, дав наставление старой Ульяне, когда и сколько давать их, поехал к Р*. «Ну, что, мой добрый П*,— спросила она, снимая очки и закрывая библию, которую читала, — есть ли надежда на выздоровление?» — «Богу все возможно, ваше превосходительство! я употреблю все, что могу и знаю, но обещать не смею ничего; страдания духа молодой дамы ужасны!» — «Вы, кажется, плакали?» — «Ах, кто бы тут не плакал!» Слезы сострадания всегда благородны, но в глазах врача они величественны, божественны, подобны слезам богочеловека и так же, как они, обещают скорую помощь! Старая Р* протянула руку к П*: «Прощайте, мой друг! вы, верно, заехали ко мне на минуту, уведомить только о состоянии больной? не удерживаю вас, прощайте!» Однако ж П* не шел из комнаты; он стоял пред Р* в замешательстве; приметно было, что хотел что-то сказать, заминался и не знал, как начать, как приступить к объяснению, по

его мнению, очень щекотливому! Святая неиспорченность сердца! удел юности и неопытности!! Через десять лет этот же самый П* назовет себя дураком за робость, а еще более за цель, с какою приехал к богатой Р*. Дама эта не любила добро делать вполонину и с розыском; по ее мнению, это не было бы уже добро; итак, согласно с своим образом мыслей, она дала П* на лекарство, за труды и, сверх того, какие-нибудь надобности для Елены, три тысячи рублей. Благодарный лекарь хотел возвратить ей эту сумму, потому что состояние Елены не подавало ему почти никакой надежды. Р*, удивленная и его замешательством, и тем, что он нейдет от нее, спросила: «Не имеете ли надобности в чем, любезный П*, скажите смело, я всегда готова способствовать как могу в делах такого, благородно чувствующего лекаря, как вы; итак, объяснитесь». — «Вы дали мне большую сумму; я не могу поручиться, придется ли мне почать ее на лекарства для Лидиной; не хочу скрывать от вас, что она почти безнадежна; итак, не предвидя ни трудов, ни издержек для больной, я не вправе брать даром столь боль-

ших денег». — «Не берите, мой друг, если вы богатый человек; но если напротив, то старая Р*, которой близ девяносто лет и которая могла бы быть вашею прабабкою, дает вам, как своему лекарю, эти деньги заранее, опасаясь, что смерть может ее постигнуть вдруг и не дать времени расплатиться». П* с чувством поцеловал руку доброй Р* и вышел.

С того дня в продолжение почти двух месяцев П* только ночь проводил дома; но все дни от зари до глубокой ночи посвящал неусыпным стараниям о злополучной Лидиной; труды его увенчались успехом: бедная оставленная возвратилась к жизни; бешенство прошло; порывы лютой скорби утихли; всюду преследующий ее призрак матери, стоящей на коленях, исчез; все ее чувства успокоились: она была тиха, молчалива, бледна, как мертвая, а также, как мертвая, ко всему нечувствительна! Можно было говорить при ней об Атолине что угодно: хвалить его наружность; порицать поступки; упоминать о жене — Лидина слушала без внимания; говорили ли о муже ее — то же равнодушие; о матери — одинаковая бесчувственность!.. Ле-

карь испугался; это значило заживо умереть; он начал опасаться, не повредился ли рассудок выздоравливающей; но, замечая связь и смысл во всем, что ей случалось говорить ему или своим людям, он уверился, что способности ее ума и памяти не расстроены; после этого, не зная уже чему приписать такое одеревенение чувств, решился не предполагать ничего дурного и ждать всего лучшего от времени и природы.

Старая Р * близилась к концу своей многолетней и хорошо проведенной жизни, не имея смешной слабости бояться смерти; она, однако ж, не хотела проводить в уединении и скуке тех немногих дней, которые ей оставалось пробыть на земле; итак, она чаще прежнего собирала к себе всех, с которыми была в короткой дружбе; почти всякий вечер проводили у нее: городничиха, молодая, пригожая и очень остроумная дама; жена градского головы: добрая, веселая женщина, немного пустая, немного сплетница, немного вестовщица, но в сущности женщина превосходного сердца, благодетельная и даже великодушная; молодая дама, которая как-то предвеща-

ла гибель Лидиной — томная, сентиментальная и, яко голубица, непорочная; четвертая была помещица лет двадцати осьми, жена гусарского полковника; ее Р * любила более всех и не иначе называла, как «дочь моя!».

Четыре приятельницы генеральши Р * приехали к ней одного дня гораздо позже обыкновенного: «Что это, мои любезные друзья! не жаль вам оставлять бедную старуху наедине со смертию? — говорила Р *, протягивая к ним руку;— ну, здравствуйте, садитесь поближе; потеснее в кружок; где ж вы были? что вас задержало? я к вам привыкла, дети мои! вы обещали быть моими собеседницами до последнего часа моего: он не далек; не оставляйте же меня». — «Успокойтесь, наша добрая маменька, — говорила гусарская полковница, садясь к ней на диван и закрывая лежащий на столе молитвенник;— успокойтесь, послушайте, что мы вам расскажем: мы все сию минуту от Лидиной!»— «Как? от Лидиной! благородные друзья мои! как прекрасно вы поступили!! да если есть еще какое средство спасти ее, так это то, чтоб отдать ей безусловно потерянное ею ваше уважение!

ну, что она, бедняжка? я думаю, много пере-менилась? плачет она? ах, да как и не пла-кать! чему она не подверглась? чего не поте-ряла? и, к довершению, оставлена мужем на жертву нищете и презрению!..» — «Это бы все ничего, матушка, ваше превосходительство, да вот, видите, Атолин! пуще всего Атолин! ведь он один все и представлялся ей, когда она была в горячке и...» — «Покройте завесою милосердия проступки ближнего вашего, моя добрая Катерина Алексеевна! чтоб судить безошибочно, до какой степени виновата Елена, надобно поставить себя на ее месте! пусть каждая из вас представит себя в ее положении с ее молодостью, неопытностью, редкою красотою, совершенным невоспитанием, угнетаемою беспутным буяном мужем и преследуемою угождениями молодого человека, вкрадчивого, умного, ловкого и прекрасного; и тогда спросит сама себя в глубине своего сердца: устояла ли бы она против всего этого?» — «Наша старая Р*, — сказала городничиха на ухо сентиментальной даме, — начинает что-то слишком часто проповедывать, видно, над нею носятся уже тени предков ее, как го-

ворит Осиян;[11] — посмотрите на полковницу; она кусает себе губы, верно, сравнивает мысленно это воззвание к нашему человеколюбию с тем приемом, какой сделала нам Лидина!..» Дама, к которой относились эти слова, с трудом удержалась от смеха. «Что вы там стовариваетесь, молодые шалуны? не опять ли оставить старуху на целый вечер одну? об этом и не думайте, если не хотите, чтоб я приходила к вам с того света укорять в жестокосердии. Расскажи же мне, дочь моя, как вы были приняты Лидиною? я думаю, со слезами признательности?» — «Увы, добрая маменька, — отвечала полковница полушутливым голосом, — не судите о всех по себе! нас приняли, как нельзя хуже!..» — «Возможно ли!.. вам отказали?» — «Это бы еще не беда! отказ не прием; его нельзя назвать ни худым, ни хорошим! нет, та bonne maman,[12] нас приняли, это правда, то есть просили войти в комнаты, но как встретили!!» Р* поднялась с подушек; любопытство вытеснило на минуту из головы ее все помыслы сострадания и справедливости; и так ясно нарисовалось в глазах и на лице, что полковница, не дожидая-

ясь вопросов, начала говорить: «Вы не ошиблись, полагая, что мы ездили к Лидиной с искренним желанием усладить ее бедствия этим знаком участия и уважения, в полной уверенности, что таким поступком возвратим ее к чувству своих обязанностей; подъехав к дому Лидиной, мы послали спросить, может ли и угодно ли ей принять нас? — приказано просить; мы входим; в зале встречает нас одна только старая Ульяна с пасмурным видом: она сказала, что барышня ее сию минуту выйдет, и ушла; не успела еще старая нянька затворить за собою двери, как другие из гостиной отворились и показалась Лидина. Я испугалась: это была не женщина, но фантом![13] мраморная статуя, по какому-то чуду движущаяся! лицо ее было совершенно бледно или бело, не знаю, как назвать; но только в нем нигде ни капли крови не отсвечивалось, даже губы ее были белы; белое платье облекало, так сказать, всю ее от шеи до ног, голова обвернута вроде чалмы белым газом, знаете, как носит запросто наша институтка; прекрасные волосы ее, все до последнего локона, были подобраны и спрятаны; вид ее был хо-

лоден, важен, даже суров, и на милом лице ее так четко выразалось все совершеннейшее презрение к нам, что замешательство, как электрический удар, в один миг сообщилось всем вдруг; уничтожило нашу бодрость, расстроило весь план, и все наши прекрасные фразы, заранее приготовленные, умерли на устах наших! она остановилась величественно, как царица, и ожидала, что мы скажем; а мы! мы, каждая с такою миною, которая не стоила гроша, подвигались к ней молча!..» В этом месте рассказа городничиха захохотала. «Что вы смеетесь, *ma bella amie*», [14] — спросила Р* несколько с неудовольствием. «Винувата, *chere maman*, [15] не сердитесь! клянусь, я ничего не знаю смешнее нашего покорного представления величавой царице Лидиной! жаль, что у нас нет своего Гогарта; эта сцена была достойна его кисти!» — «Еще раз, *pardone maman*, [16] рассказывайте, полковница». — «Итак, мы подходили в молчании, и я не знаю, какую глупостью прервали бы мы его, если б Лидина не спросила с самым ледяным равнодушием: что вам угодно?., при этом вопросе мне страшная охота пришла

взглянуть на моих спутниц: именитая гражданка наша, Катерина Алексеевна, шептала что-то, молитву, кажется, и как будто собиралась отступить к дверям; Олинька вздохнула, краснела и потупляла глаза; одна только доблестная градоначальница наша сделала шаг вперед и с видом оскорбленного достоинства отвечала: что мы хотели только узнать о состоянии ее здоровья и предложить ей утешения дружбы. „Намерение прекрасное! — но... я здорова и в утешениях не имею нужды!..“ Сказав это, она поклонилась нам с видом насмешливого презрения и ушла обратно в гостиную, затворяя за собою дверь! вот, тапан, как было награждено наше доброе намерение». — «А мне, — говорила городничиха, — так более всего жаль, что все наши великие суждения и прекрасные изречения о непрочности земного счастья, о милосердии божем, о том, что как все ему возможно, что его промыслом наша печаль легко может обратиться в радость, — не пошли в дело; мы не имели ни времени, ни возможности высказать всего, что приготовили».

Предприятие молодых женщин имело в са-

мом деле благую цель: они точно хотели уча-
стием своим возвратить Елене хоть наружное
уважение общества и тем дать ей силу побе-
дить гибельный порок, начинающий укорен-
яться в ней; без измены Атолина желания
их увенчались бы успехом; Лидина была
очень опечалена видимым пренебрежением,
которое начали оказывать ей в публике; если
б Атолин остался ей верен, то поступок моло-
дых дам дал бы совсем другое направление ее
наклонностям. Успокоенная привязанностию
любовника, она постаралась бы скрывать
пред глазами публики свою, законами не
оправдываемую, любовь; а публика всегда
имеет великодушие не видеть тех слабостей,
которые из уважения к ее мнению стараются
скрыть от нее. Итак, Елена могла бы еще быть
счастлива, сколько можно быть такою жен-
щине, много претерпевшей и много потеряв-
шей; но женитьба Атолина, его совершенное
невнимание, с каким он расстался с нею, с
корнем вырвали из сердца ее всякую надежду
на счастье; она предалась отчаянию, и низ-
кое средство, с которым ознакомил ее супруг,
показалось ей самым верным способом до-

стигнуть скорого конца своих страданий, а в ожидании — заглушать их нестерпимую боль.

«Э!.. дитя мое, ты уж слишком гневно поступила! ведь они ни в чем не виноваты; приехали, как водится, навестить тебя, а ты их так спровадила!., я за них сторела со стыда!..» — «Ничто им, мамушка! не думаешь ли ты, что они и в самом деле с добрым намерением приезжали ко мне? ничего не бывало; просто из любопытства, не узнают ли чего нового, не отгадают ли по словам или виду; к этому они прибавили бы от себя и разнесли по всему городу. Нет, мамушка, никто обо мне не думает с желанием добра! ни в чьей груди не бьется сердце для меня...» — «Как, дитя мое! и в той, которая тебя вскормила, сердце не для тебя?» — «Ах, полно, добрая Ульяна, я совсем не о тебе думала теперь»; но, увидя слезы в глазах старой няньки, Елена прибавила, обнимая ее: «В такой любви я уверена, моя добрая мамушка! не плачь, пожалуйста, и прости, я пойду спать; сегодня мне что-то хочется лечь раньше обыкновенного, прощай! не ходи за мною и не присылай никого; я раз-

денушь сама».

Спальня Елены была освещена несколькими кенкетами. Сама она сидела на черном бархатном диване в том же костюме, в котором встретила своих гостей и в котором очень была похожа на фантом, как назвала ее полковница. Но только это был фантом, которого никто бы не мог испугаться, столько выражение прекрасного лица ее было кротко и печально, чувство глубокой скорби рисовалось в глазах ее, устремленных на портрет матери; он был прямо против дивана, на котором сидела Елена, и ей казалось, что глаза портрета оживляются... «Маменька! для чего не хотела ты дожидаться моего рассудка?.. для чего... но, о боже! ты становишься на колена!.. и близ своего гроба!.. о мать моя!.. мать моя!.. да будет всевышний к тебе милостив! прости мне мое роптание; боль сердца его вынудила!.. но оно уже последнее!.. я погибла! ты сама это сказала; итак, прости навсегда! Дочь твоя не достойна уже того, чтоб смотреть на тебя!..» — Елена отерла слезы, встала с дивана, подошла к портрету, поцеловала обе руки его; стала пред ним на колена и, сказав еще

раз: «прости маменька!..» закрыла портрет черною шелковою тканью.

«Цель жизни моей: могила; безвременная могила! дорога, по которой пойду к ней, будет широка, гладка, беспрепятственна: это путь порока!.. Я ли виновна тут?.. мне кажется, нет!.. Меня вывели на этот путь еще ребенком; не имею силы сойти с него!.. и для чего?.., какая цель хорошей жизни! кому она надобна?.. кого будут радовать мои добродетели?.. что я такое в свете?.. жена без мужа! любовница презренная, оставленная! под какой щит укроюсь от стрел злословия, от невыносимых мук больного сердца моего! чем займу свое воображение, чтоб оно не представляло мне день и ночь умирающую мать, стоящую предо мною на коленях; варвара мужа, угнетавшего и вместе развращавшего мою беззащитную молодость; и, наконец, тебя, о Атолин! тебя, которого я истинно любила!.. жестокий!.. вместо того, чтобы сказать одно только слово, ты предпочел оставить меня!.., чем же защищусь я от всех этих воспоминаний, отравляющих жизнь мою?.. есть у меня дети?.. дано мне воспитание?.. увы! если б

мне дали его, может быть, я и не прибегала б к тому, к чему прибегаю теперь!.. кого выводят безоружным на большую дорогу жизни, так, по крайности, отдают его под защиту какого сильного существа!.. если не хотели дать созреть моему разуму, так надобно было позаботиться, чтоб у товарища моего был он не в расстроенном состоянии!.. для чего меня ничему не учили!.. для чего я не знаю того, что знает здешняя полковница; городничиха; даже старая Р *; я плакала бы, играя свои фантазии на фортепиано или на арфе; но плакала бы не так, как плачу теперь!.. я рисовала бы черты моего Атолина; те места, где я была с ним вместе; рисовала б его таким, каким видела его в часы моего, навек теперь минувшего счастья!.. рисовала б и горько, горько плакала б, но все не так, как плачу теперь!.. хотя б поселили во мне охоту к чтению; может быть, суждения, наставления, примеры, какие могла б я найти в книгах, дали мне твердость характера, силу душевную!.. но нет, нет! без зрелости ума все ничто!.. а моему!.. увы, не дали созреть!..». Елена замолчала, облокотилась на руку и погрузилась в глубочайшую

задумчивость; по временам она вздыхала; изредка слеза за слезою выкатывалась из глаз, медленно катилась по белой, как мрамор, щеке ее, падала на грудь и расходилась по кисее. «Решено, — сказала она наконец, вставая с дивана, — решено: я погибла! это сказала родная мать; пророчество ее должно сбыться!!» Елена подошла к зеркалу, развила газовую косынку, которою была обвернута голова ее; подобрала свои прекрасные густые волосы на самый верх головы и надела ночную шапочку, подвязала ее розовою лентою; достала из занавесы окна фиал, поставила его на стол, присоединила к нему стакан точно такой же величины, как тот, который выпила в похоронный вечер из любви к мужу; погасила все кенкеты, подняла шторы и при серебристом свете месяца налила вина искрометного до самых краев стакана, выпила и тотчас легла в постель.

Месяц спустя после своего монолога Елена совершенно выздоровела, продала свою богатую мебель, экипажи, лошадей, и уехала в тот город, где родилась и где был у нее свой дом; там она водворилась; имущества ее было бы

еще довольно, если б обратить его в деньги и положить в ломбард; но она не имела ни умения, ни возможности, ни охоты сделать этого. Правда, что все ее жемчуги, камни, атласы, соболи и даже золотые оклады превратились в деньги, но они тотчас и проживались. Мало-помалу дом ее беднел, пустел; постепенно все становилось хуже даже и на ней самой. Потеряв невозвратно уважение общества и свое доброе имя, она и не заботилась более ни о том, ни о другом; не имея сил сойти, как она сама говорила, с пути порока, она несколько и не противилась его влечению, и, будучи все еще прекраснейшею женщиною не старше двадцати трех лет, она была и день и ночь окружаема поклонниками своей красоты. С первых месяцев переселения своего в дом отцовский она жила роскошно, как привыкла; стол ее был вкусен и изобилен; вина дорогие; люди, лошади, мебели, как и прежде; но через год все это приметно упало; стол и вина понизились в качестве; людей много ubyло; пользуясь добротою сердца и несчастною слабостью своей госпожи, половина их откупилась за самую пустую сумму, которой Елене недо-

стало и на полгода; няньку она давно отпустила на волю, лошади и экипажи тоже продались в разные времена; наконец, откупился повар, кажется, за двести рублей; Лидина взяла кухарку. Как скоро бедность начала делаться приметною, то и шаги ее сделались быстрее; она, как пожар, начала распространяться на все и по всему! Чем безотраднее делалось положение Лидиной, тем чаще прибегала она к давно известному ей средству заглушать горе. Всякий вечер близ кровати престальной молодой женщины на столике стоял фиал, полный искрометного вина, и к утру не оставалось в нем ничего. Что ж будет, когда наконец продадутся все дорогие фиалы и не на что будет купить искрометной влаги? Чем это заменится?.. Какой ужасный ответ таится в разуме всякого! Таится! потому что никто не имеет решимости сказать словами!..

В числе угождателей Елены, привлекаемых ее все еще необычайной красотою, был татарский князь Д *. Он служил несколько лет в гусарах, вышел в отставку ротмистром, с мундиром; имел саблю за храбрость, много денег, людей, лошадей, и, сверх всего этого,

прекрасное лицо и тридцать два года от роду. Молодые головы дев провинциальных кружились от одного воззрения на блестящие шнуры и блестящие глаза прекрасного князя, — но он был магометанин. Итак, помыслы их летали, кружились и исчезали в воздухе, не имея на чем остановиться; мысли же молодого гусара и день и ночь были заняты планом сделаться обладателем красот Елены; но обладателем полным: что было не легко. Елена, хотя была всегда среди толпы молодых людей; хотя обращение ее делалось иногда слишком свободным и хотя она всякий вечер пред тем, как лечь в постель, заглушала свое горе, не дошла, однако ж, до этой степени унижения, и образ Атолина в душе ее был стражем и свидетелем, по крайности, хоть в этом пункте ее неукоризненного поведения! Однако ж князь не терял надежды. От образа жизни Елены недостаток ее таял, как снег от солнца. Хитрый татарин решился ждать. Молодая женщина отличала его от прочих искателей и очень охотно проводила с ним время, потому что красивый князь был также и приятный собеседник; он хорошо играл на флей-

те; забавно рассказывал анекдоты; имел превосходный голос и пел со вкусом романсы, арии, баллады, одним словом, это был второй том Атолина, в лучшем переплете, и, сверх того, revue et corrige![17] то есть тот же план обольщения, те же средства; но только лицо, теперь действующее, было красивее, умнее, образованнее и имело на своей стороне перевес стали над пером. Князь нисколько не имел скромности не видеть своих преимуществ; напротив, он был уверен в них; был уверен, что, присоединя к ним свое богатство и рассыпав его у ног пригожей Лели (как он называл ее в кругу товарищей), примет наконец ее в свои объятия.

«Итак, вы едете, Катерина Алексеевна! счастливый путь, примите желание вам добра и вместе прощание умирающей старухи; мне уже не вставать! полно плакать, друзья мои! ваша беседа, ваши угождения были отрадою последних дней моих! это делает вам честь, мои милые! редкая согласилась бы, имея ваши права на внимание света, прятаться от него, чтоб сидеть у постели больной старухи! Полно же, Олинька! ты уж как рас-

плачешься, так я того и боюсь, чтоб не растаяла!.. Смотрите, чтоб я не поддела вас, как Лидина: вы наготовили так много великолепных фраз, сентиментальных изречений, а она одним словом заставила их всех остаться в разуме вашем без употребления; так и я, вы плачете, плачете, а я вдруг выздоровею!..» Печальная улыбка была ответом на шутку старой Р *; она не могла утешить трех молодых женщин, любивших ее, как мать; они с горестию замечали, как быстро близится к ней смерть. «Ах, дай-то бог, матушка, дай-то бог, чтоб ваше превосходительство выздоровели! уж как бы я усердно поблагодарила господу за такую милость!» — «Вы хотите невозможного, Катерина Алексеевна! всему есть свой черед: жить и умереть! но оставим это; итак, муж ваш отбыл свою повинность в звании градского головы; и вы переселяетесь в **. Вы там увидите нашу бедную Лидину; несчастная!.. В память мою, Катерина Алексеевна, будьте к ней снисходительны! говорят, ее совсем разорили, обманули, обобрали собственные ее люди и все до одного откупились за самые пустые деньги; дома уже у нее нет: она

живет на квартире и в величайшей бедности». — «В этих слухах, матушка, ваше превосходительство, не все правда: люди ее каналы, воры, пьяницы, разорили ее и откупились за вздорную сумму, кажется, обе семьи за пятьсот рублей; дом она продала и живет на квартире; это все истинно, но чтоб она была в нищете, так это неправда; она живет роскошно; одевается, как герцогиня, и денег у нее всегда и на все есть, сколько ей угодно». Р* слушала с изумлением: «От чего ж такой переворот?» — «От красоты, матушка, которою враг рода человеческого наделяет своих любимцев! ведь хороша, окаянная, как Мидонья!..» — «Что за вздор ты говоришь, Катерина Алексеевна? — Олинька сквозь слезы рассмеялась — *madonna, chere maman!*[18]» Катерина Алексеевна слышала как-то, что полковница, говоря о Лидиной, называла ее мадонною Рафаэля. «Дивлюсь тебе, мой друг Катерина Алексеевна! как ты с таким прекрасным сердцем; добрым и благодетельным, позволяешь себе называть Елену любимицею злого духа; это мне очень неприятно слышать от тебя». — «Что делать, матушка! я, право, не люб-

лю осуждать ближнего; но ведь уж Лидина колобродит не путем; поневоле скажешь что-нибудь!» — «Колобродит не путем! ты выражаешься картинно, моя добрая Катерина Алексеевна; ну что ж такое сделала или делает Лидина? какое Перу[19] открыла ей красота ее?» — «Пронесся слух...» — начала было говорить Олинька, но городничиха прервала ее: «Нет, не слух, милая Ольга, а настоящая достоверность, не подверженная никакому сомнению: вот в чем дело, *notre, chere maman!* [20] Лидина, не умея управлять ни домом, ни людьми, ни деньгами, а всего менее самой собою, прожила, продала, промотала, раздарила и..... (этого отвратительного слова я уж не скажу) все свое имение; этого только и дожидался князь Д *. Утром того дня, в который ей надобно было выехать из дому, чтоб очистить его для того, кто купил, он приехал к ней. Об нем никогда не докладывали, а теперь и некому было этого сделать; у Елены осталась одна только нанятая женщина, кухарка, которая, разумеется, была при своем месте, а не в комнатах; итак, князь невидимо и неслышимо прошел в гостиную, из нее в спальню; от-

воря потихоньку дверь, он увидел, что Елена стоит на коленях перед окном (тем самым, против которого она сидела когда-то за пядьцами и прятала от матери свою побагровевшую щеку). Голова ее лежала на окне, поддерживаемая руками; светло-русые волосы в беспорядке расстилались по плечам, спине и частью лежали на полу; судорожное потрясение всего тела показывало, что она задыхалась от рыданий; князь поспешно поднял ее, посадил на кушетку, ослабил пряжку кушака, чтоб дать свободу ее дыханию, сел подле нее сам, страстно целовал ее заплаканные глаза, ее смоченные слезами локоны и нежно прижимал её к груди своей, говоря: „к чему эти слезы, моя Елена! к чему такое отчаяние? разве я не принадлежу тебе сердцем, душою, всеми чувствами, всеми помышлениями; разве не твое все, что я имею, и я сам не в совершенной ли твоей воле?“ Елена молчала, она, как покорная овечка, лежала недвижимо на пылающей груди влюбленного князя, не делая сопротивления огненным поцелуям его». В сем месте Р* прервала рассказ городничихи: «С умом ли ты, мой друг, — сказала она моло-

дой ветренице, — что представляешь воображению умирающей старухи такую соблазнительную картину?» — «Полно, друзья мои, оставим людей делать, что они хотят, теперь я совсем уже не теми глазами смотрю на слабости людские, какими смотрела прежде; и многое, многое нахожу извинительным».

Это был последний разговор и последнее собрание у девяностолетней Р * ее четырех подруг. Сановитая купчиха со слезами на глазах сказала вечное прости матушке ее превосходительству, — на другой день поехала в **, дав прежде клятвенное обещание своей доброй генеральше, что возьмет Елену под свое покровительство в случае какого-либо ее бедствия. Чрез две недели по отъезде Катерины Алексеевны Р * отправилась к своим предкам; по смерти ее оставшееся общество приятельниц скоро разошлось: бравая полковница уехала с мужем в Петербург, а последние две были слишком несходны во всем, чтоб остаться друзьями: ловкая городничиха была умна, колка и насмешлива; Ольга робка и чувствительна; они раздружились очень скоро.

Более часа уже сидел князь в спальне Елены, держа ее на коленях и с восторгом целуя ее глаза, уста и руки: «Да полно же плакать, мой кумир прелестный! согласишься на мое счастье! будь полновластною обладательницею моего сердца, имения, счастья, самой жизни! я предложил бы тебе руку, Елена, но ты христианка, я татарин, к тому ж ты не свободна; кто знает, где твое пугало — муж? может быть, он еще и явится, хотя тогда, — прибавил молодой татарин, сильно прижав Елену к груди своей, — хотя тогда кинжал мой по самую рукоять спрячется в груди его; но до этого счастливого события тебе все-таки нельзя располагать своей рукой; итак, прими то, что я могу дать тебе, то есть мою любовь, мою жизнь и мое имение все без исключения; ну, полно же, Леленька, Ангел мой! скажи! да! не мучь меня этим безмолвным плачем!!!» Говоря это, он осыпал ее жаркими поцелуями... В сердце Елены все говорило в пользу молодого князя. Его красота, молодость, богатство, постоянные искания, всегдашние угождения; уверенность, что ей неоткуда ждать помощи, некуда приклонить голову, нечем защитит-

ся от ужасов нищеты; наконец, убеждения, уверения, клятвы в верности склонили ее уступить просьбам любовника. Елена не сказала: да! но безмолвно обвила прекрасную руку около шеи князя, легонько прижалась к груди его и еще легче прижала прелестные алые уста свои к его... Восхищенный князь на руках унес ее в коляску, и, не выпуская из объятий, привез он свое приобретение, свое сокровище, свой кумир в дом, нарочито для нее нанятый. Старанием князя все было приготовлено: ничей нескромный взор не потревожил не совсем еще погасшую совесть Елены. Князь боялся, кажется, опустить ее из рук, чтоб не потерять; он взнес ее на лестницу и отнес прямо в спальню; там он ее посадил на диван и стал перед нею на колена. Восторг и счастье рисовались в больших черных глазах его: «Теперь ты у меня! теперь ты моя! теперь я неизъяснимо благополучен!» — говорил пылкий князь, обнимая колена Лидиной; как только молодой татарин вынес Елену из коляски, то она, чтоб не видать любопытных, а может, и насмешливых взглядов, тотчас закрыла лицо руками и в этом положении оста-

валась и теперь; наконец князь сел подле нее, взял ее руку и отвел от лица; она тотчас упала на грудь к нему, и счастливый князь с чувством неизъяснимого блаженства сжал ее в своих объятиях.

Если б не потеря доброго имени, уважения общества и свидетельства совести, этих никогда ничем не заменяемых благ в жизни, лишение которых дает сердцу нашему первое понятие о мучениях ада, то Елена могла б назваться счастливою. Образ Атолина изгладился в сердце ее, совершенно предавшемся пылкому татарину; любовь их с каждым днем более возрастала, князь лишился всякой власти над собою; он целые дни проводил, сидя на богатом ковре у ног своей Елены; то осыпал их бесчисленными поцелуями, то становился пред нею на колена, обнимал стан и смотрел ей в глаза. «Елена, — говорил он ей, — моя Елена, нет слов выразить того сладкого замиранья сердца, которое я чувствую, когда смотрю на тебя!» Хотя Елена не имела, ни высокого разума, ни слишком утонченных чувств, но любовь князя проникла все ее существование; она горела к нему взаимною страстию;

все ее мысли были заняты им, все чувства наполнены им, им она жила, дышала, об нем одном думала, его одного видела в целом мире; все ее занятия были для него. Сидя за рукоде-
льем, она беспрестанно взглядывала на часы, и, когда наступал тот, в который он обыкновенно приезжал, то она оставляла работу и брала часы в руку; с последнею минутою она опрометью бежала в залу, куда князь отворял уже двери; бросалась к нему на грудь, и нередко князь приносил ее почти в обмороке в ее комнату.

Катерина Алексеевна не лгала пред Р*, что Елена одевается, как герцогиня, и имеет денег на все, сколько хочет и даже более, потому что часто говорила князю, высыпавшему на ковре у ног ее блестящие импералы, что она не знает, куда с ними деваться, что ей уже нечего вовсе покупать, ни даже желать, потому что об чем бы ни вздумала, всего есть в десять раз более, нежели надобно.

Здесь кончились записки моей приятельницы; поутру я отнесла к ней ее тетрадь. «Ну, что, удовлетворительно ли теперь уведомлены вы об Елене?» — спросила она, принимая

из рук моих бумаги. «К сожалению, теперь я знаю об ней то, чего не ожидала и не желала бы знать; так она и теперь с князем?» — «Нет, смерть разлучила их; я расскажу вам, как это было».

В эту эпоху жизни своей, то есть страстной любви своей к князю, Елена вела себя примерно хорошо, если можно так выразиться, говоря о поведении женщины, нарушившей приличие и закон. Она победила смешную, презрительную слабость, которой так долго поддавалась, теперь она краснела при одном воспоминании о ней; утро проходило у нее в сладостных заботах о своем бесценном князе; она то бегала в кухню посмотреть, точно ли так готовят его любимые блюда, как она приказала, то опять садилась за пяльцы вышивать ему жилет, книжку или просто букет цветов; но только все для него, непременно для него; они обедали всегда только вдвоем; Елена просила его никогда никого не приводить к ней: «Я живу для одного тебя, мой милый князь, начто мне видеть кого другого? начто мне люди? дай бог, чтоб они столько же думали обо мне, сколько я об них, тогда

они забыли бы о моем существовании». Молодому татарину очень приятна была уединенная жизнь Елены. Она льстила его самолюбие, успокаивала сердце, склонное к ревности, и усиливала любовь его. Вечером они ездили прогуливаться за город, в лес, в места самые уединенные, почти дикие; там они ходили рука с рукою или сидели в чаще кустарника, держа друг друга в объятиях и разговаривая или наслаждаясь безмолвно неизъяснимую негою читать в глазах один другого взаимную любовь.

Елена была совершенно счастлива, она совсем забыла негодяя мужа, о котором не было никакого слуху и который, надобно думать, с своей стороны тоже не имел никакой охоты напомнить о себе; с ним она была квит; изредка воспоминание об Атолине, как неприятное сновидение, смущало дух ее и, кажется, представлялось ее воображению только для того, чтоб она еще с большею нежностью прижалась к груди милого князя и давала клятву всю жизнь любить его одного.

Такою-то преступною, но сладостною и неразрывною связью были соединены сердца

магометанина и христианки! Христианки—недостойной этого священного имени! Безумная Елена в упоении беззаконной страсти забыла, что тот, кого она так пламенно целует, так нежно жмет к сердцу, кто наполняет всю душу ее, кому она клянется посвятить жизнь, что тот враг закона, который она исповедует! Хотя милосердный бог очень долго прощает нам наши проступки, но для нашего спасения не позволяет ненаказанно до конца пренебрегать его заповедями.

В один жаркий день Елена заботливо приготавливала мороженое, лимонад, холодила во льду мед, вино и укладывала на блюдо груши, яблоки и апельсины для своего милого друга; она была весела и мила необыкновенно; одежда очаровательно; на ней было лиловое платье с белым поясом и алмазною пряжкой; в волосах одна белая роза с двумя или тремя серебряными колосками; прекрасные светло-русые волосы были приколоты черным черепаховым гребнем, от которого спускалось до самого полу белое креповое покрывало; это последнее украшение было уже именно в угождение князю; он как татарин считал покры-

вало необходимою принадлежностью женского одеяния; он называл его защитою непорочности, завесою стыдливости, покровом любви и многие другие не менее лестные названия давал этому куску флера, который теперь так мило, так благородно волновался и облекал красивые формы Еленина стана. Наконец все готово: и стол, и десерт, и сама красавица хозяйка, как светозарный гений, сияет прелестями и нарядом; яркое полуденное солнце освещает всю пышность мебели; но оно беспокоит нежные глаза; оно будет также беспокоить милого князя; и вот дорогой рисовки шторы опускаются; в комнате царствует пленительный полусвет. Ах, как Елена хороша при нем, какой рассудок мог бы устоять при виде такой красоты!.. За хлопотами Елена в первый раз еще не слыхала, что пробило час — пора, в которую всегда приезжал князь; итак, стук экипажа, остановившегося у ворот, удивил и испугал ее, но, взглянув бегло на часы, она с восклицанием радости бросилась в залу; князь входит — и чернее октябрьской ночи было выражение лица его. «Как, Елена, — сказал он, со вздохом обнимая испугав-

шуюся красавицу, — ты именно этот день выбрала, чтоб одеться так прелестно?» — «Сегодня день моего рождения, Гамет! отвечала Елена, робко целуя его, — я думала угодить тебе». — «Сегодня также и день нашей разлуки...» Вопль и вслед обморок Елены прервали слова князя; он отнес ее в гостиную, сел с нею на диван и, положив к себе на колена смотрел мрачно на бледное лицо ее, закрытые глаза, посиневшие губы, на все это подобие смерти и тяжело вздыхал «Смерть, — говорил он грустным голосом, — благодетельна смерть, возьми от меня это существо милое! теперь только ты одна можешь укрыть ее от бед!..» Наконец Елена возвратилась к жизни, или, лучше сказать, к чувству жесточайшей горести: «Гамет!.. Гамет!..» Она металась в руках его. «День рождения! Да будешь ты проклят!.. День рождения моего!.. О, мать моя! мать моя!.. Для чего не задушила ты меня в колыбели?.. что сделала я тебе, матушка, что ты вскормила меня! Гамет! не оставляй меня без себя живую, Гамет!» Она снова обеспамятала!.. Князь положил ее на диван, стал близ нее на колена и смотрел мрачно; изредка сле-

зы, холодные и тяжелые, как свинец, медленно катились по его прекрасному мужественному лицу; но он не хотел приводить в чувство Елены; он благословлял бы судьбу, если бы она так перешла в вечность!..

Отец князя, один из богатейших татар в К***, умерший задолго еще до связи Гамета с Еленою, отказал ему, как своему любимцу, несравненно большую часть имения, нежели трем его братьям, и таким предпочтением возбудил в них сильнейшую ненависть к Гамету. Старик в завещании назначил четверем братьям приступить к разделу имения не прежде, как через год после его смерти. Неизвестно, хотел ли он, чтоб трое старших сыновей привыкли к мысли видеть во владении меньшего все, что было в имении лучшего, или чтоб этот последний имел время взять меры против их враждебных замыслов, к которым они очень были и склонны, и способны; известно только то, что приказание его было в точности соблюдено, и, когда пришел условный год, трое старших князей Д** послали брату извещение, что они ожидают его к разделу. Этот призыв Гамет получил в то са-

мое время, когда только что достиг цели неусыпных страданий своих и пламеннейших желаний сердца, только что поселил Елену в своем доме! до имени ль было ему тогда!.. Вместо раздела он готов был бы отдать все братьям, только чтоб оставили его в покое восхищаться красотой своей милой; и так откладывая день за день отъезд свой в К***, он не говорил ничего Елене об этой необходимой разлуке, и она совсем ничего не знала о его семейных делах; наконец страстно влюбленный князь, понуждаемый братьями и не имея сил расстаться с Еленою, решился уполномочить на всякую сделку с братьями управлявшего всем его имуществом старого семидесятилетнего татарина, бывшего его дядькою, а теперь управителем, и который любил его, как обыкновенно старые служители дома любят тех, кого вырастили на руках своих. «Поезжай, мой добрый Якуб, — говорил Гамет, отдавая старику все должные документы, — поезжай, даю тебе всю мою власть; будь там вторым мною; все, что ты сделаешь, наперед одобряю, уступи братьям все, что можно уступить, не делая большого убытка

мне! — Гамет замолчал и задумался... — Однако ж, Якуб, мне очень нужно, чтоб денег у меня всегда было так же много, как теперь; соблюди мои выгоды, отец! Употреби весь твой разум, чтоб сохранить и мою пользу, и дружжелюбное расположение братьев». — «Да, Гамет! деньги тебе очень нужны! Это я вижу!.. Аллах прогневался на тебя, мой сын! Наслал затмение на твой светлый разум!.. Но теперь об этом говорить уже нечего! Против такого зла лекарства нет! Но выслушай, что скажу о твоих братьях. Ты говоришь: сохранить тебе их дружжелюбные чувства! Нельзя того сохранить, чего не бывало; но можно купить наружный вид их доброжелательства, не дешево, однако ж, как отдачею всей завещанной тебе отцом части имения; согласен ли ты на это?» — «Как можно, Якуб! чем же я буду жить? — „Чем ты жил до сих пор?“ — „Но ведь я тебе сказал, что теперь издерживаю очень много и хочу, чтоб всегда так было“. — „А в таком случае нечего и думать ни о малейшей уступке братьям, ни также о мире с ними; вступи во владение своего имущества и возьми меры для сохранения головы своей!

потому что (не обманывайся, Гамет, в рассуждении намерений твоих братьев) будешь иметь трех непримиримых хитрых и сильных врагов, для которых вовсе нет ничего святого“. — „Не думаю, Якуб! Ты уже слишком с дурной стороны смотришь на это дело! братья не любят меня, это правда; но чтоб они покусились на жизнь мою за то только, что отец дал мне больше, нежели им, этого уже я никак не думаю“. — „Дай бог, чтоб ты был прав, князь! Итак, я завтра еду“. — „Поезжай, отец мой, и да руководствует всевышний твоим разумом в этих затруднительных делах“.

Братья Гамета ненавидели его с младенчества за то, что он был любимец не только отца своего, но и деда с материнской стороны, который, умирая, отказал ему одному все свое имение; завистливые князя Д ** не могли утаить сами от себя, что меньшей брат их далеко превосходил их качествами ума, сердца и наружными приятностями. Молодой Гамет имел воинственные наклонности и был редкий красавец; это последнее обстоятельство по странному образу мыслей старого Д** было главною причиною, заставившею его скло-

ниться на просьбы любимого сына отдать его в военную службу, и отдать именно в гусары. Старый чудак утверждал, что красавец будет не полный красавец, если он не в гусарском мундире, и вот кумир его — юный прекрасный Гамет рисуется в золотых шнурах, кистях, круглых пуговицах; гремит саблею, шпорами; старик с восторгом сжимает юношу в объятиях и отдает ему лучшую и большую часть имения. Впрочем, братья Гаметовы совсем не были бедны оттого, что получили меньшую часть наследства; им даны были большие капиталы от дядей и также от отца; они пустили их в торговый оборот и получали очень большие доходы, и они уже считались богатейшими людьми, тогда как Гамет был еще почти ребенком.

Якуб писал Гамету: „Братья твои очень недовольны, что ты не сам приехал, и сказали наотрез, что без тебя не приступят к разделу и что если ты имеешь полную доверенность ко мне, то, по крайности, они с своей стороны вовсе не имеют ее; я предвижу тьму хлопот для тебя, князь; они, кажется, решились, чего б то ни стоило, не отдавать тебе

твою часть. Хотя к этому нет никакого средства, кроме одного!..“ Но князю, который в объятиях Елены считал себя, по крайности, равным Магомету в счастии, это одно средство казалось несбыточною химерою, порожденною напуганным воображением старого Якуба; он смеялся внутренно нелепым его заключениям о своих братьях. „Полно, добрый Якуб, — отвечал он верному дядьке, — не давай такого трагического толка словам и досаде моих братьев! Они некоторым образом вправе сердиться на мою беспечность. Я пишу сам к ним, и надеюсь, все пойдет хорошо“. Пустая переписка между братьями тянулась почти все лето; безрассудный Гамет писал вечный вздор, старался только выиграть время, чтоб проводить его на ковре у ног Елены. Трое князей Д* уехали в К***, написав Гамету, что как срочной год давно прошел, а он не вступил во владение своей части законным порядком, то они до весны не позволяют ему брать доходов с этого имения. На зиму все затихло. Князь переехал в дом, нанятый им для Елены, и забыл братьев, ссору, имение, забыл весь мир! „Елена, — говорил он, целуя ее с

восторгом, — моя Елена! что такое есть в красоте твоей, что она с каждым днем увеличивается?.. Видел я и прежде прекрасных женщин; казалось, любил их; но о том огне, каким горю теперь, я не имел никакого понятия!.. Да, Елена! Если мне должно когда-нибудь выйти из твоих объятий, то чтоб это было прямо в объятия смерти! Другого перехода я не хочу!..“ Елена не умела отвечать, но чувствовала почти так же! Она неизъяснимо любила прекрасного татарина!.. Злополучная христианка!.. Зима приходила к концу; солнце с каждым днем становилось ярче и всходило выше; наконец воздух согрелся; раскинулись роскошные леса; заговорили листья; заиграли ручейки, заблестали реки; молодая трава зеленым бархатом расстилалась по обширным лугам; ключи холодных вод катились, гремели, брызгали бриллиантами с высот каменистых гор; и мужественная красота северной природы развилась во всем блеске. Наступила весна.

„Гамет! братья твои подали просьбу в суд, что замедление твое расстроивает их хозяйственные распоряжения; что они теперь не

могут хорошо знать границ твоего и своих имений, потому что они, принадлежа прежде одному князю Д **, не были отделены межами, и что меня, присланного с полною твоею доверенностию, не принимают, считая унизительным для себя иметь сношение с слугою, так назвали меня безбожные князья, меня! их воспитателя! Но бог с ними! Не это самое худшее в письме моем; теперь выслушай меня, Гамет, и из сострадания к моей старости не пренебрегай моим извещением. Суд по просьбе братьев твоих назначил местом общего съезда вашего деревушку, принадлежащую старшему князю, под предлогом, что она в центре общих владений ваших; деревня эта в пятидесяти верстах от большой дороги, окружена непроходимыми лесами и множеством оврагов; верст на тридцать кругом нет никакого жилья, и к довершению жители ее, как прежде носился слух, жили разбоем, хотя это последнее обстоятельство и неверно; но если позволено судить о людях по виду, то жители деревни К * М * должны быть ужаснейшие злодеи! Сверх же всего этого, что я тебе написал и что леденит сердце мое ужасом, братья

твои услали куда-то из этой деревни человек шесть татар самой зверской наружности!.. Ах, Гамет! Ах, сын мой! пощади мою старость, сжался над сединами дядьки своего; возьми меры против злодеяния! для имени аллаха, не считай опасений моих бредом старости! Забудь на этот раз благородную доверчивость! Ты не знаешь братьев своих; но я, я воспитал их! Верь мне, Гамет, они хотят покушаться на жизнь твою!“

Так писал Якуб. Вместе с этим письмом князь получил от суда приглашение явиться непременно и немедленно в деревню К * М *, где суд и братья ожидают только его прибытия, чтоб приступить к разделу их земель. Прочитав то и другое, Гамет задумался. Мало-помалу грусть его усиливалась; он ходил по комнате и от часу более погружался в мысли, теряясь в изыскании способов не разлучаться с Еленою... Черная печаль омрачила прекрасные черты его, он не находил ни одного: не ехать по требованию суда — невозможно, особливо после Якубова предостережения; это могли приписать страху!.. Хотя б один только Якуб приписал этой причине

неявку князя на условное место, то и этого довольно было для гордого татарина! Он поехал бы на верную смерть, только чтоб не быть подозреваему в недостойной робости; сверх того, он и в самом деле считал вздором опасение своего дядьки; в благородной душе Гамета никогда не местились подобные подозрения... Но Елена! как расстаться с нею!.. как оставить ее!., взять с собою?., ее! христианку! в среду лютых татар! пред глаза враждующих братьев!.. Гамет затрепетал! Оставить в К*! О аллах! Да поразит меня прежде гром твой, нежели я принужден буду это сделать!.. Ее!.. Елену! такую красавицу! Кто ж не повергнет к ногам ее своего сердца; несметных богатств и какого б то ни было сана?.. Нет! прежде я умру! по моему телу только проедет Елена в К*. Разве оставить... Что за ужас! Я ли это подумал? оставить Елену!., бедную, кроткую, беззащитную Елену! и это сделаю я! я! таявший восторгом, испивший чашу блаженства, непостижимого уму человеческому!!! Я, бывший единственным обладателем ее!.. Что за проклятая мысль пришла мне?.. Неужели князь Гамет до такой степени подл, что оста-

вит женщину, равную гуриям в красоте и которую он любим?.. пока хоть одна искра жизни тлеет в теле его?.. Гамет с силою ударил себя в грудь: Елена! солнце жизни моей!., воздух, которым дышу! прими последнюю и неприменную клятву мою!.. только в объятия смерти! только в хладную могилу перейду я из твоих... О, Елена!.. Елена!.. Какие воспоминания!.. из твоих, рай в себе заключающих объятий!..

„Успокойся, моя Леночка! успокойся! твой Гамет с тобою!“— так говорил князь Д**, держа у груди своей отчаянно рыдающую Елену!.. „Нет!.. Гамет, нет! Не в твоей власти оставить меня здесь живую! или ты возьмешь меня с собою... Ах, Гамет, Гамет! возьми меня с собою! ты еще вчера говорил, что моя любовь, моя красота делают жизнь твою непрерывною цепью блаженства и восторгов. Это было вчера! Ну, ведь я все та же, мой Гамет! я люблю тебя!..“ Елена говорила это с каким-то родом помешательства; оно готово было сообщиться и Гамету: „О Аллах!.. Спаси мой рассудок!..“ Елена в ужасе замолчала: в первый раз еще Гамет произнес в присутствии ее это

имя! Она смотрела на него, и лицо ее с каждою секундою делалось бледнее, бледнее и наконец приняло вид мертвого!.. „Поезжай, Гамет!“ — сказала она едва слышным голосом, положила голову на грудь его, закрыла глаза и не говорила уже более ни слова и не переменила положения до того, как Гамет, истоща всевозможные ласки, убеждения, утешения, клятвы, уверения, осыпав тьмочисленными поцелуями ее руки, лицо, шею, грудь и, сжав в последний раз в страстных объятиях своих, отнес ее почти бесчувственную к ней в спальню; там он положил ее на ее пышную, великолепную постель; но, чувствуя, что страдания Елены начинают лишать его сил и разума, что, оставшись еще секунду, он останется навсегда, поспешно отвращает взор и говорит: „Прости, Елена! Я возвращусь! я твой! навеки твой! прости!..“ — выбегает из спальни; быстро переходит залу, сбегает с крыльца и бросается в коляску, приказывая скакать во весь опор по дороге к *****.

Проходят дни, недели, проходит месяц; о Гамете слуху нет. Елена томится, плачет день и ночь и тем горестнее, тем безотраднее, что

восклициание „о Аллах!“ беспрестанно гремит в ушах ее! Вот и еще месяц прошел, о Гамете вести нет!.. Что с ним сделалось? Как узнать? — не от кого и нельзя: Елена никуда не выходит, никого не видит: „Хоть бы ты, матушка, разведала, как-нибудь стороною, не слышно ли чего о князе! Ведь ты ходишь ко всем здесь, неужели невозможно спросить!“ — „Что ты, бог с тобой, дитя мое! с какой стати буду я спрашивать о князе! Ведь все знают, что я у тебя живу и все знают... что один бог без греха! К тому ж о князе давно перестали говорить; он другой губернии, уехал; и все забыто!..“

В один день Елена сидела задумавшись на диване, устремляя взор на ковер, на котором Гамет так часто сиживал у ног ее; она смотрела долго и неподвижно, припоминая себе его слова, страстную любовь, прекрасное лицо, благородные поступки. Ей кажется, что она опять видит его близ себя, что слышит, как он говорит ей: „Леночка моя! успокойся, твой Гамет с тобою!..“ Глубокий вздох, тяжкий стон и горькие слезы были следствием этих воспоминаний. Елена склонила голову на подушку

и тихо рыдала... В прихожей стукнула дверь; Елена вздрогнула, подняла голову, слушает; но все тихо!.. Отчего этот стук отдался в ее сердце?.. Никто нейдет! Елена хочет опять лечь; но кровь бросается ей в голову, грудь стесняется, сердце бьется жестоко! Она встает и слышит явственно шепот своей няньки: „Боже мой!.. Елена! барышня! дитя мое! Ах, что с нею будет!..“ Леденя от страха, Елена идет в прихожую и видит Якуба!.. Нянька плача подходит взять ее в свои объятия: „Дитя мое! не пугайся!.. Молись богу! молись богу!.. Его снятый промысел утешит тебя! Князь Гамет... О боже, она совсем помертвела!“ — „Князь Гамет оставил нас! его уже нет на этом свете!.. бедный старый Якуб не думал его пережить!.. но Аллах делает, как ему угодно!.. Прощайте, барышня Елена!“ Якуб ушел, и дверь опять стукнула; но этого стука Елена уже не слыхала.

Гамет сдержал свое слово: из объятий Елены перешел прямо в объятия смерти. Он несся, как вихрь, по большой дороге до того места, где надобно повернуть с нее, углубиться в чащу и ехать верст пятьдесят проселками до

самой деревни К.; тут Гамет оставил свою коляску и поехал верхом, горя нетерпением скорее все кончить и возвратиться к Елене.

„Что так долго не едет князь Гамет, — говорил один из чиновников, — вот уже три дня, как мы живем здесь; ведь суду нельзя терять время понапрасну; мы наложим пеню на вашего братца, князя!..“ В эту минуту входят двое из числа зверообразных татар, посланных куда-то братьями Гамета; они возвратились из своей откомандировки и дали в ней отчет господам своим в присутствии членов суда; по окончании всех расспросов и ответов в рассуждении порученного им дела один из них сказал, что в двадцати верстах от их деревни в самой густоте леса на краю глубокого оврага лежит мертвое тело; что они не видали б его, если б жалобное ржание коня не заставило их пойти на голос; и что, продираясь сквозь чащу, они увидели растянутую на траве турецкую шаль; пройдя еще несколько шагов, нашли богатую саблю; далее открылись следы крови, и по ним дошли они до глубокого оврага, на самом краю которого лежал мертвый человек; лица его нельзя уже было

распознать— так оно распухло и посинело; часть головы к виску проломлена до мозга; и, наконец, окончили свое описание, сказав, что мертвый одет в каком-то черном кафтане чрезвычайно тонкого сукна и с черными же шелковыми шнурами!.. „Аллах! будь к нам милосерд! Это Гамет!“ — воскликнули братья!.. Вмиг все чиновники, князья и ужасные татары поскакали опрометью к означенному месту; они нашли всё точно так, как им было донесено: шаль лежала на траве, подалее сабля, шагах в нескольких кровавые следы; и, наконец, на самом краю глубокого рва, у толстого пня, мертвое тело, лицо которого не имело уже человеческого вида; это была какая-то страшная, черная, багровая глыба! Князья с ужасом отвратили взор свой! „Дай бог, чтоб это не был Гамет; здесь много помещиков, которые ходят в венгерках и носят сабли! Надобно разведать...“ Чиновники приказали взять все это с собою и поехали обратно в деревню; послали узнать в город, где Гамет жил для Елены, выехал ли он оттуда? Выехал. Справились по станциям, проезжал ли? Проехал. На последней нашли его коляску и чело-

века: „Где ж князь?“ — „Поехал верхом“. — „Куда?“ — „Не знаем! Приказал здесь дожидаться“. Расспросы кончились. Но у кого спросить в лесу дремучем? Среди глубоких рвов, в дебри непроходимой! Кто будет отвечать тут? Разве совесть князей Д**? Но в них никто и никогда не замечал еще и малейшего признака ее! Кто слышал стоны твои, Гамет! кто был свидетелем последней борьбы с муками насильственной смерти?.. Один безмолвный лес!.. Так погиб добрый, чувствительный Гамет, прекраснейший и благороднейший из рода князей Д**. Розыски продолжались, но все бесполезно; даже не могли найти достаточных свидетельств, что найденное тело точно князя Гамета; потому что лицо было обезображено до неузнаваемости; венгерку мог носить и всякий другой; так одет мог быть и какой-нибудь проезжающий!.. Коня не нашли нигде!.. Одна только сабля могла б служить доказательством, но Якуб сказал, что у князя такой не было; итак, предоставляя это суду всевышнего, год спустя после трагической смерти или непостижимого исчезновения князя Гамета братья его введены во владение его

имением с условием, что если б князь оказался живым, возвратить все ему точно в таком виде, в каком приняли, и с присоединением доходов». — «Бедный Гамет! А Елена?» — «Об ней ничего я не слыхала наверное! по-моему, так ей надобно б было умереть от горести; но слухи носились, что печаль ее далеко не была так сильна, как та, которую она чувствовала от измены Атолина; тогда она точно уже была на краю гроба; видно, смерть любовника легче перенести, нежели измену его». — «По крайности, она уже навсегда отстала от постыдной привычки заглушать горе?» — «Helas! c'est tout-au-contraire chere Amazone!.. [21] Она погрузилась в нее глубоко и невозвратно!..» — «Как! вы говорили, что она совсем оставила, что она стыдилась даже одного воспоминания об этом пороке». — «Пока любовь князя Гамета наполняла собою душу ее, окружала ее всеми радостями, вниманиями, угождениями, ласками, погружала в восторги, осыпала богатствами, услаждала роскошами, какие только могли представиться уму ее или каких могло пожелать сердце ее, могла ль она тогда помыслить не содрогаясь

об отвратительном пороке, который обезобразил бы ее в глазах страстно любимого человека». — «Но ведь Атолина любила тоже; однако ж я слышала, что при нем она не краснея выпивала бокал, два и три шампанского». — «Это было большею частию по настоянию взбалмошного пьяного мужа, как говорят; к тому ж сам Атолин не считал этого так низким и презрительным, как оно есть в самом деле; он находил это просто неприличным только; но образованный князь, живший в лучших кругах, натурально, пришел бы в ужас от такого скаредства[22] в женщине прекрасной и молодой. Елена понимала это по какому-то внутреннему чувству». — «Чем она живет теперь?» — «Гамет еще в дни счастья своего отдал ей все: все деньги, дорогие шали, посуду лучшего фарфора, серебро, множество перстней высокой цены; два ста соболей чрезвычайно редких по красоте». — «И все это?..» — «И все это обратится в жидкость».

Два года спустя я опять была дома. В один день, прогуливаясь, увидела, что накрапывает дождь; я удвоила шаги и думала, что успею

дойти домой прежде, нежели дождь усилится; но туча шла скорее меня, и вот дождь крупными каплями застучал по моей фуражке; стараясь укрыться от этого нежданного и нежеланного сражения, я бегом убежала под навес ворот одного мещанского дома; дождь пошел сильный, частый и с порывами, улицы опустели, и одни только дождевые капли прыгали по всему пространству их; подле меня, тут же под навесом, стоял крестьянский мальчик лет десяти; в шагах трех от нас с ним стояла какая-то тележка на двух колесах, покрытая рогожею, по которой очень приятно для слуха рокотали капли частого дождя. «Что у тебя тут? Если товар какой, так замочнет; подкати под навес». — «Не оставится под навесом; да и промокнуть нельзя: рогожа плотная. — Мальчик замолчал; но, видя, что я не спрашиваю его более, начал опять: — Не дадите ли что-нибудь на бедность, батюшка барин, больной нищей». — «Кому?» — «Больной нищей». — «Охотно. Где ж она?» — «Вот, под рогожкой», — сказал он, указывая на тележку. «Стало быть, это ребенок?» Я отдала деньги. Мальчик поклонился в ноги: «Дай бог

вам здоровья, барин. Нет, это не ребенок, большая; да у нее обе руки и ноги так скорчены, что она легко умещается здесь». — «От чего ж это сделалось с нею?» — «Бог знает! Болезнь какая-то; бабушка говорит, что это попущение божие за тяжкий грех». — «А твоя бабушка монахиня?» — «Какая монахиня! Моя бабушка — Ульяна *** — отпущенница господ Г ***». — «Ну, а эта больная родня вам?» — «Что ты, барин, какая родня! Это наша барышня Елена ***». — «Лидина!» — Вскрикнув от ужаса, бросилась я бежать; дождь лил ведром.

«Не сердитесь, mon frere![23] Но, право, вы вчера были очень смешны. Скажите, зачем вы это ворвались к папиньке прямо с улицы и со всеми теми ручьями, которые бежали с вас, как с нашей горы, не доставало только журчанья для совершенного сходства?» — «Полно, сестра, мне не до шуток! Не знаешь ли, где живет Лидина?» — «Под кровом небесным! Ее, как слышно, никто не пускает на квартиру». — «Несчастливая! почему ж это?» — «Право, не знаю, mon frere!.. не спрашивайте меня; давно еще папенька приказал, чтоб но-

га ее не была у нас в доме, и с того времени я ничего об ней не знаю».

Через два дня случайно встретила я старуху, няньку Лидиной: «Здравствуй, Ульяна! ты, верно, знаешь, где можно найти твою бывшую барышню?» — «Кому же и знать, батюшка! Она живет у меня! Христа ради дала ей уголок в чулане! Я ведь сама бедная женщина, не могла б кормить ее, да вот Катерина Алексеевна, дай ей бог здоровье, взяла ее на свои руки; она присылает ей все съестные припасы и готовый обед; одевает ее и даже, что за добрая женщина, даже маленький графинчик водки присылает каждый день; ведь уж барышня только этим и держится теперь, как не выпьет, так уж тоскует да тоскует, мечется да мечется, бежал бы со двора!» — «Поэтому она очень больна?» — «Да уж так-то больна, что и не приведи бог ни видеть, ни слышать». — «Я слышал, у ней повреждены ноги и руки?» — «Повреждены!! да, правда, повреждены! то есть вывернуты прочь, совсем вон из своего места; высохла совершенно, на всех составах наросты...» — «Ах, ради бога не рассказывай, Ульяна, я не хочу более

ничего знать; проводи меня к ней». — «Извольте!» Молча дошли мы до ворот Ульяниной избы. «Не пойти ли мне вперед, сказать ей, что вы пришли?» — «Нет, нет, Ульяна, не надобно». Мы вошли в сени. Ульяна отворила низенькую дверь в темный чулан и сказала мне тихо: «Вот здесь лежит она; пожалуйста!» Я вошла. Ульяна сказала мне, что если я хочу говорить с нею, то чтоб говорила громче: она очень, очень худо слышит и не видит ни зги божией! «Как, слепа?» — «Слепа уже более полугода!» Я вытолкнула тихонько Ульяну за дверь, затворила ее и осталась одна в чулане тесном и, как погреб, сыром и темном; минут с пять я ничего не могла разглядеть, но постепенно глаза мои освоились с темнотою, и предметы сделались видимы: в одном углу плотно к стене стояла широкая скамья, на ней лежало что-то, до отвратительности запачканное, род лохмотьев, собранных в кучу; продолжая присматриваться, я разглядела, что это человек; голова его лежала на подушке, которую надобно видеть, чтоб иметь понятие о толстоте, грубости и нечистоте ее наволоки. Вместо матраца была гнилая солома,

прикрытая толстым рядом, таким, как постилают иногда в сенях, чтоб вытирать ноги; таким точно рядом и укрыто было лежащее существо, которое занимало пространства на этой постеле не более, как бы заняло осьмилетнее дитя; я стояла безмолвна, сложа руки, как складывают их, молясь богу. Ах, где явственнее могла я видеть перст божий, как не в сем страшном жилище мрака, скорби, ужаса и страданий нечеловеческих! Елена... должно было верить, что это она, мне так сказали. Елена лежала неподвижно, но не спала; глаза ее были открыты; глаза!.. но глаза ли это?.. Елены глаза!.. Это были два стекловидные пузырья, красные, как кровь, окруженные опухлыми веками!.. Лицо желтое, почерневшее, сморщенное, и на котором была одна только кожа, а более ничего!.. Рот!.. я содрогалась, смотря на эти уста, багровые, иссохшие и подергиваемые судорогами! Однако ж это самые те уста, от поцелуя которых таял негою страстный Гамет!.. те уста, которым в свежести и красоте равнялись одни только розы!.. Голова ее обвернута была засаленною пестрою холстиною; свалявшиеся волосы вы-

ползали из-под нее какими-то клочьями. Неужель это те светло-русые, блестящие кудри, которые так мило волновались по ее стройному стану, когда она вечером освобождала их из-под гребня? Те ли это легкие, ароматные локоны, которые князь Гамет так любил перевивать цветами и жемчугом?.. Нет, нет! Это свалявшиеся колтуны литовского крестьянина!.. только на это они похожи теперь!.. Одним словом, этот безобразный, высохший, состарившийся урод — неужели Елена?.. Красавица, на которую один взгляд приводил всякого в восторг! Возможно ли, чтоб это страшное чудовище было — женщина двадцати трех лет!!! Голова моя шла кругом!.. Я смотрела на гадкую подушку, на которой лежала еще более гадкая голова, и вместе с этим отвратительным предметом видела белую, атласную подушку, тонкие блонды и прелестного ребенка!! Мне пришли на мысль слова Катерины Алексеевны: одета, как герцогиня!.. Но что может быть беднее, гнуснее, несчастнее, уродливее и отвратительнее этого тела, которое здесь лежит, и этих вретич, которые его покрывают!! Это, однако ж, та,

которая была одета, как герцогиня!.. Есть чувства, для которых беден язык человеческий. Они терзали, волновали душу мою, мутили разум! Я не понимала, не верила, точно ли я стою в этом проклятом чулане пред страшным, гадким, вонючим уродом!.. пред Еленой!! Не мечта ли это? не сплю ли я? не сошла ли с ума? Я не могла ни перестать смотреть на кровавые глаза, меня не видящие, ни сдвинуться с места!.. О боже, боже! отец всех нас! как страшен суд твой!! Слова эти вырвались у меня невольно; несчастная услышала, узнала голос мой! Она поднялась с ужасом; дико закричала и упала навзничь, горестно стелая!.. Я подошла тогда к самой постели: «Елена... я принесла вам чаю, сахару, лимонов...» — «Но смерть! кто принесет мне смерть!.. Она одна нужна мне!! Ее зову... Зову напрасно!.. Немилостив господь!..» Я плакала. «Где же вы? Подойдите ко мне; дотроньтесь, чтоб я уверилась, что голос ваш не мечта». Я села к ней на постель. «Вы плачете!! Я хотела б взять вас за руку, но не могу! Я не владею ни одним из моих членов; все они вывернуты из своих мест и болят!.. болят!.. Ах, как болят!!

Посмотрите мои руки!.. Откройте одеяло!..» Я приподняла легонько толстую дерюгу, которой она была закрыта!.. Ужас!.. руки ли это!! Она почувствовала мой трепет! «Страшно? Не правда ли?.. Ах, как приятны им теплота ваших слез, они теперь меньше болят!! Никто еще не плакал надо мною! Это первые слезы жалости, которые упали на иссохшую кожу рук моих!.. Если б всякий заплатил эту дань моему нестерпимому страданию, думаю, что для таких слез бог простил бы меня!..» Я не могла сказать ни слова и боялась взять ее руку, чтоб не сделать боли. Она продолжала говорить: «Давно вы приехали?.. долго пробудете здесь?.. будете вы приходить ко мне?.. верно, будете, я слышала, вы теперь очень счастливы, а счастливому так сродно, так легко быть добрым!.. не примите моих слов в худую сторону: я иногда не знаю, что говорю, особенно, когда обрадуюсь, а я так рада, так рада, что вы пришли». — «Бывает у вас кто-нибудь?» — спросила я наконец, боясь, чтоб она не оскорбилась моим молчанием. «Бывает Катерина Алексеевна; она по милости своей много мне благодетельствует; добрая женщи-

на!.. но только, что добрая!.. Верите ли вы тому, что при доброте сердца можно поступать безжалостно?» — «Не думаю!» — «Однако ж Катерина Алексеевна так делает: она содержит меня; присылает пищу, чай, сахар и все, что мне нужно, и снимает с меня это грубое рядно, чтоб показать любопытным мои изуродованные члены!..» — «Какое бесчеловечие!» — «Истинно бесчеловечие, добрый Александров! восклицание ваше исторглось из души! это я слышу!.. и вам только одним откроюсь, что видимые страдания мои еще очень легки в сравнении с тем мученьем, которое живет в душе моей! Знаете ли, что я вижу день и ночь? вижу, хотя глаза мои навек угасли! Я вижу мать мою предо мною на коленях!! а что я слышу!.. Ах! тяжело легла на мне десница твоя, всевышний! Я слышу ужасное: Аллах!..» — Тут несчастная так жестоко стала метаться на своей соломе и так отчаянно кричать, что я в ужасе совершенно потерялась; дотронуться не смела, чтоб ей не было больно; отойти тоже; боялась, чтоб она не упала на пол! «Спасите, — кричала она, — спасите! дайте мне смерть! хоть искру жалости!! спа-

сите!..»

Ульяна вбежала; поспешно схватила стакан, которого я еще не заметила у кровати, охватила рукою ее шею и дала ей выпить то, что было в стакане. Елена утихла; безобразная голова ее опять упала на подушки; она стонала тихо. «Александров ушел?» — «Здесь», — отвечала Ульяна грубо и отрывисто. Это удивило меня; я махнула рукою, чтоб она вышла, и когда осталась опять одна с Еленою, то просила ее не предаваться отчаянию; надеяться на милосердие божие, которому нет границ, и верить несомненно, что чрезмерность мук ее и искренность раскаяния поставят ее в среду избранных.

Она слушала меня в молчании. Наконец из потухших глаз ее выкатилось несколько слез: «Пусть будет, как богу угодно!.. Я буду ждать конца своего с терпением! Не мне оскорбляться тем, что меня осматривают как издохшего зверя странной наружности! всему свой черед: восхищался стройностью членов моих татарин, содрогаются теперь от их безобразия все, кому только вздумается смотреть на них!..»

Вышед из тесной, темной конуры, в которой помещалась такая необъятная масса ужаса и страданий, я нерадостно, но со слезами увидела опять яркое солнце, голубое небо, густой лес, светлую реку, желтый берег. Сколько красот! Елена видела их, любовалась ими, трогалась! Ей только двадцать три года; она цвела бы так же, как эта весна!.. кто ж виноват? кто причиною стольких страданий? кто помог ей взойти на эту высочайшую степень человеческого злополучия? Муж?.. статочное ли дело?.. Муж поступал, как и все молодые люди поступают! Что за беда, если он когда выпил лишнее! Для мужчины это не порок! «Хорошо!.. а картежная игра?» — «Умная жена пусть удерживает от этого просьбами, советами». — «А если эта жена ребенок, не способный советовать? если на ее просьбы отвечают бранью и толчками?» — «Перетерпи! Она на то жена; должна уступить!» — «Пусть так; но неверность! развратное поведение!» — «Вот еще что! его не ubyло! Где ни ходит, а все ее муж!» — «Но где ж ей было все это сообразить? ей не было еще четырнадцать лет, она дитя! ее милый Serge старше ее

вдвое; его обязанность была щадить юную подругу свою...» — «Нет, нет! что ни говорите, Елена гораздо виноватее своего мужа!.. ништо ей!.. За чем пошла, то и нашла!..» Все разговоры и суждения о несчастной страдальце оканчивались так; все единодушно обвиняли ее; о молодости, незрелости ума слышать не хотели; по их, это было оправдание химерическое, нелепое... «Она сама всему виновата», — говорили они, махнув рукой; я не защищала ее!.. к чему? и для чего? все равно уже для страшной, изуродованной Елены, хорошо или дурно о ней думают. Ей нужно теперь одно только милосердие бога, потому что преступная связь с Гаметом тяжело легла на совесть ее, и невыносимые страдания ее одни только могут выкупить столь тяжкий грех.

Через полгода писали мне, что перед смертью Елена испытывала такие мучения тела и духа, что никакие слова не могут этого выразить; но что умерла тихо, покойно, и когда закрылись глаза ее, то лицо приняло выражение кроткое и как будто веселое; смотря на него, можно было отгадать, что она была

необыкновенная красавица.

Примечания

Орифламма — здесь: знамя; собственно орифламма (aereum flamma—золотое пламя) — древнее знамя французских королей.

[^^^]

Стряпчий — в России 1775–1864 гг. стряпчими назывались некоторые судебные чиновники

[^^^]

3

Караибы— группа племен индейцев Южной Америки. Здесь — дикарь.

[^^^]

Бургомистр — глава органов городского самоуправления, русское название — градской голова; ратман—в России XVIII–XIX вв. выборный член городских магистратов и ратуш; словесный— служащий Словесного суда, т. е. суда по торговым делам, производившего словесное разбирательство по словесной просьбе.

[^^^]

Гроденаплъ— шелковая материя.

[^^^]

6

так устроен свет (франц.).

[^^^]

друг дома (франц.).

[^^^]

8

Фидий — древнегреческий скульптор (V в. до н. э.)

[^^^]

Фи, как это гадко... какое выражение!.. Какое возмутительное слово!., пить!., чего ради начали мы подобный разговор?., (франц.)

[^^^]

10

мой дорогой Серж! (франц.)

[^^^]

Оссиан — легендарный воин и бард кельтов, живший, по преданию, в III в.

[^^^]

моя добрая маменька (франц.).

[^^^]

фантом — призрак.

[^^^]

милый друг (франц.).

[^^^]

дорогая маменька (франц.).

[^^^]

извините, маменька (франц.).

[^^^]

пересмотренный и исправленный! (франц.)

[^^^]

мадонна, дорогая матушка! (франц.)

[^^^]

Перу — государство в Южной Америке, бывшее испанской колонией, богатое полезными ископаемыми. В переносном смысле — источник обогащения.

[^^^]

наша дорогая матушка! (франц.)

[^^^]

Увы! совсем напротив, дорогая амазонка!.,
(франц.)

[^^^]

Скаредство (польск. skaredost) — безобразие.

[^^^]

мой брат (франц.).

[^^^]